

Чувашский
государственный институт
гуманитарных наук

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

Г.Б. Матвеев

ПОДГРУППЫ В СОСТАВЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ГРУПП ЧУВАШЕЙ: ФОРМИРОВАНИЕ И КАРТОГРАФИРОВАНИЕ

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научные доклады
Выпуск 39

Г.Б. Матвеев

**ПОДГРУППЫ
В СОСТАВЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ГРУПП
ЧУВАШЕЙ: ФОРМИРОВАНИЕ
И КАРТОГРАФИРОВАНИЕ**

Доклад на научной сессии
Чувашского государственного института
гуманитарных наук по итогам работы за 2024 год

Чебоксары — 2024

УДК 39(470.344)
ББК 63.5(2Рос.Чув.)
М 33

Научный редактор **Д.В. Егоров**

Р е ц е н з е н т ы:

Е.А. Ягафова, доктор исторических наук,
заведующий кафедрой философии, истории и теории
мировой культуры и искусства Самарского государственного
социально-педагогического университета

И.Г. Петров, кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник отдела этнографии
Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
Уфимского федерального исследовательского центра РАН

А.П. Долгова, кандидат филологических наук, старший
научный сотрудник филологического направления ЧГИГН

Матвеев, Г.Б.

М 33 **Подгруппы в составе этнографических групп чувашей:
формирование и картографирование / Г.Б. Матвеев; науч. ред.
Д.В. Егоров. — Чебоксары, 2024. — 68 с. — (Научные доклады /
ЧГИГН; вып. 39).**

В научном докладе рассматриваются вопросы формирования и картографирования подгрупп верховых, средненизовых и низовых чувашей. Уделено внимание таким аспектам, как складывание территории расселения подгрупп, признаки говоров основных диалектов, особенности костюмного и обрядового (на примере свадебного) комплексов.

УДК 39(470.344)
ББК 63.5(2Рос.Чув.)

© Матвеев Г.Б., 2024
© Чувашский государственный институт
гуманитарных наук, 2024

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика изучения этнографических групп и подгрупп в их составе — одна из актуальных в этнологии, а также в других научных дисциплинах, исследующих историю, язык, культуру народов. Она включает в себя вопросы их формирования и эволюции, выявления культурной специфики и общности в рамках этноса, особенностей диалектов и говоров, бытования различных компонентов традиционной культуры, самоидентификации и этнического самосознания.

Уровень изученности этнографических групп чувашей следует признать значительным. Имеются исследования, посвященные истории их расселения и формирования территории, специфическим особенностям материальной и духовной культуры, диалектам и говорам чувашского языка, музыкальным диалектам, межэтническим взаимодействиям. В то же время задача более детального обоснования культурно-языковых ареалов на уровне подгрупп в составе этнографических групп чувашей (четыре в верховой зоне и по три в средненизовой и низовой) остается актуальной. Такие этнокультурные образования (подгруппы) объективно существуют и имеют свое собственное место в иерархии этнических общностей и их структурных подразделений. Как и этнокультурные таксоны вышестоящего уровня (этнографические группы), они могут быть двух типов — генетического (первичного) и территориального (вторичного)¹.

В настоящее время удовлетворительно разработано разделение по группам и подгруппам на основе языка (диалектов и говоров), женской одежды, в то же время недостаточно исследованы локальные семейные и календарные обрядовые комплексы. Указанные диалектологические и этнокультурные факторы обеспечивают критерии вычленения этнографических групп и подгрупп. Необходимо принимать во внимание относительную самостоятельность этнокультурных и языковых процессов. Этнографические районы частично отличаются от ареалов языковых и музыкальных диалектов. Процесс образования этнографических групп и подгрупп исключал возможность сохранения единообразных традиций, формировалось множество больших и малых различий в функционировании языка и традиционной культуры.

Хронологические границы проблематики охватывают несколько столетий. Археологические материалы и письменные источники показывают, что расселение чувашей на левобережье Свияги и далее до Суры происходило в основном в XV—XVII вв. Эти данные могут свидетельствовать о том, что формирование подгрупп в территориальном плане происходило главным образом в XVI — начале XVIII в. Основная масса

населения в Чувашском Поволжье на начальном этапе проживала в средненизовой зоне. Складывание культурно-языковых комплексов на уровне подгрупп продолжалось до XIX в. включительно. Например, Е.А. Ягафовой сложение верхового комплекса датировано второй половиной XVIII — первой половиной XIX в.² Специфику традиционной культуры и говоров подгрупп, их трансформацию этнографы и языковеды фиксируют вплоть до начала XXI в.

Цель данного доклада — многоаспектное исследование проблемы формирования подгрупп в составе этнографических групп чувашей. Нами рассмотрены принципы районирования этнографических групп и подгрупп, картографирование подгрупп, складывание территории их расселения, некоторые характерные признаки говоров основных диалектов, костюмного и обрядового (свадебного) комплексов, проливающих свет на особенности формирования подгрупп. Автор не претендует на бесспорное решение поставленных задач.

1. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ЧУВАШЕЙ: ПРОБЛЕМА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

В литературе не имеется единой точки зрения по поводу того, считать ли этнографическую группу средненизовых чувашей основной. Ряд ученых полагал, что она образовалась позднее, чем низовая группа³. Утверждение, что предки чувашей переселились на территорию Чувашского Поволжья «в течение нескольких столетий до XV в.», является неоспорным. Определенную сложность представляет исследование процесса формирования верховых чувашей⁴. Особенно пристального внимания требуют локальные особенности этнографических явлений. Традиционная культура этнографических групп (далее ЭГ), имевшая определенную специфику, в том числе в расселении, костюме, народном зодчестве, пище, обрядности, музыке, изучалась рядом специалистов — преимущественно искусствоведами, этнографами и языковедами. Она нашла освещение в десятках монографий, сборников статей, энциклопедиях, журнальных статьях. Однако еще рано ставить точку в этом вопросе.

1.1. Основные принципы районирования этнографических групп и подгрупп в призме историографии темы

Основными источниками по изучению формирования этнографических подразделений ЭГ⁵, особенностей их традиционной культуры служат данные по истории расселения, статистике, фольклору (предания), археологии, этнографии, диалектам чувашского языка, музыкальной диалектологии (в данном докладе она не рассматривается), этнографические карты с районированием ЭГ и подгрупп, диалектологические карты чувашского языка. Нами был собран полевой материал по традиционной

культуре (костюму, свадебным и календарным обрядам) ряда подгрупп, в том числе северо-западной и центральной подгруппы ЭГ средненизовых, северной и подлесной подгрупп, а также южной периферии степной подгруппы ЭГ низовых чувашей. Он был положен в основу соответствующих параграфов при районированной характеристике в рамках подгрупп. В целях картографирования и уточнения границ на современном этапе между группами и отчасти подгруппами были привлечены электронные ресурсы. Нами просмотрены около сотни снимков участников фольклорных групп, представляющих все десять подгрупп.

Этнокультурные общности уровня подгрупп ЭГ локализуются по небольшому числу параметров культуры⁶. Это затрудняет установление четких границ между ними. Однако без выявления таких особенностей этнокультурная характеристика ЭГ не будет полной. Формирование подгрупп, как мы отмечали выше, происходило под влиянием таксонов (групп классификации) двух типов — генетического (первичного) и территориального (вторичного). Их соотношение в подгруппах далеко не одинаковое. В частности, в ЭГ верховых чувашей, вероятно, черты первичности более преобладают в юго-восточной, чем в других подгруппах. Переходное положение между северо-западной и южной подгруппами имеют средняя (выла-волжская) и красночетайская подгруппы. Средняя и юго-восточная подгруппы *вирьял* граничат с северо-западной и центральной подгруппами *анат енчи* и имеют с ними определенные сходные черты в культуре. Подгруппы *анат енчи* генетически связаны как с *вирьял*, так и с *анатри*, выступают первичными по отношению к ним. В составе *анатри* территориальными (вторичными) смешанными признаками главным образом обладают степная и подлесная подгруппы, которые являются более поздними по времени формирования, а северная подгруппа характеризуется как более выраженный генетический тип.

Первые сведения об этнографических группах чувашей оставили участники академических экспедиций XVIII в. Однако лишь П.С. Паллас зафиксировал их на уровне подгруппы: степные чуваше относят себя к *хирдял*⁷.

С.М. Михайлов писал о северо-западной (сундырской) подгруппе верховых чувашей в середине XIX в., когда еще не завершился процесс ее формирования. Он уделил внимание принципам районирования специфических черт культуры и языка данной подгруппы по костюму, обрядовой культуре, говору, сравнительному изучению истории их формирования, межэтническому взаимодействию с горными марийцами. Так, костюм «анатри» (современные *анат енчи*) он относил к генетическому типу, в частности утверждал, что головные уборы ранее были такие же, как у чувашей Цивильского и Чебоксарского уездов⁸. В.И. Лебедев пытался сравнивать этнокультурные особенности «курмышских» и «чебоксарских» чувашей⁹. А.Ф. Риттих картографировал типы костюмов северо-западной подгруппы *вирьял* и чувашей Спасского уезда (закамская этно-

территориальная группа). Он высказывал мнение, что соседние марийцы заимствовали у чувашей тип костюма¹⁰.

В.К. Магницкий с помощью корреспондентов в сравнительном плане изучал традиционную культуру юго-восточной подгруппы верхних, козловской средненизовых и *хирти* низовых чувашей¹¹. Н.И. Золотницкий отмечал «правильность форм» «среднего чебоксарско-цивильского наречия»¹².

Венгерский ученый Д. Месарош собирал материалы по этнографии, фольклору и языку (особенности говора) среди чувашей степной и северной подгрупп *анатри* (Тетюшский, Симбирский и Цивильский уезды), северо-западной, средней и юго-восточной подгрупп *вирьял*, северо-западной подгруппы *анат енчи* (Козьмодемьянский, Чебоксарский, Ядринский уезды). Он отмечал влияние ряда факторов на формирование типологических особенностей в традиционной культуре, выявлял диалектные факты и границы между группами северных и южных частей расселения чувашей¹³. В частности, район с. Чутеево Цивильского уезда (северная подгруппа низовых) он указал как переходный между этими частями¹⁴.

Основные принципы районирования специфических черт языка и культуры чувашей впервые четко были сформулированы Г.И. Комиссаровым. Главным образом проблему он видел в разграничении «средней группы» чувашей¹⁵. Работая над составлением «Этнографической карты Козьмодемьянского, Цивильского, Чебоксарского и Ядринского уездов Казанской губернии», детально изучал особенности костюмов, диалекта верхних чувашей, в том числе «деление вирьяльских чуваш на подгруппы», менее глубоко — «центральной» и «восточной» подгрупп *анат енчи*. Предположение Г.И. Комиссарова о том, что «соприкосновение вирьялов с чувашами-анатри породило третью, среднюю группу чуваш, несопадающую по костюму и по диалекту с двумя признанными группами»¹⁶, было положено в основу районирования ЭГ и диалектов рядом исследователей, прежде всего языковедами. Точка зрения о том, что средняя группа является основной, была выдвинута Н.И. Гаген-Торн¹⁷.

Н.И. Ашмарин одну из первых работ о диалектах чувашского языка посвятил говорам Козьмодемьянского уезда (с. Малое Карачкино и др.). По его наблюдениям, «черемисское влияние на чувашский язык не идет далеко от черты, разделяющей две народности, и скоро теряется»¹⁸. Одновременно с работой Г.И. Комиссарова появилась статья Н.И. Ашмарина «Заметки по чувашской диалектологии» (1912), в которой он сделал важное уточнение: «Мы не знаем определенно, сколько надо считать чувашских наречий: остается ли удерживать старое деление на *вире-ял* (*вирьял*) и *анатри* или пока принять другое, по которому чувашский язык распадается на три главные ветви, из которых *анатри* составляет как бы переходную ступень от *вирьял* к *хирти*»¹⁹. Тюрколог параллельно работал и над проблемой территориального деления ЭГ чувашей по данным этно-

графии. Его корреспонденты вносили большой вклад в изучение этнолингвокультурных характеристик отдельных местностей²⁰.

Н.В. Никольский с помощью корреспондентов накопил множество сведений по традиционной культуре всех подгрупп, сам картографировал явления духовной культуры и говоры чувашей Козьмодемьянского уезда²¹.

В течение пяти лет (1949—1953) отряды экспедиции под руководством казанского профессора Н.И. Воробьева провели обследование всех основных ЭГ и их подгрупп. В языковых и бытовых особенностях подгрупп верховых и низовых, по его мнению, с одной стороны, сказалось наследие «древних родственных племен», с другой — сближение с соседними народами²². В формировании сундырской подгруппы он отмечал значительный горномарийский субстрат, в этнической специфике курмышской подгруппы подчеркивал сближение с русскими²³. Н.И. Воробьев касался времени образования подгрупп низовых чувашей: с конца XVI в. на юге современной Чувашии складываются степная и подлесная. Отмечал тесное соприкосновение первой с казанскими татарами, второй — с мордвой и татарами-мишарями.

Вопросы формирования этнографических групп и подгрупп освещал В.Д. Димитриев, опираясь на архивные и опубликованные источники и материалы исторических преданий. По его мнению, образовавшаяся позднее других ЭГ *анат енчи* является средней между *вирьял* и *анатри*, вторичной по отношению к ним. Большой вклад им сделан в историю расселения ЭГ, образования материнских и дочерних селений всех подгрупп в XVI—XVIII вв.²⁴ Историк-краевед Л.И. Иванов посвятил специальную работу формированию гнезд поселений по подгруппам, предложил их новые обозначения, пытался проследить переселенческие направления²⁵. Поскольку он весьма доверял материалам топонимических преданий, были неизбежны погрешности в хронологии и определении истоков миграций.

Историю формирования этнографических и этнотерриториальных групп продолжительное время изучает В.П. Иванов²⁶. Массовое перемещение чувашей в Прицивилье и Прианишье из Присвияжья, Приказанья и Заказанья он связывает с началом колонизации земель Казанского ханства русскими. Средненизовые чуваша, по его мнению, представляют собой собственно ядро чувашского этноса, а верховые и низовые являются его классическими этнографическими группами²⁷.

В исследовании проблемы формирования ЭГ и их подгрупп, выявление и систематизацию специфических особенностей традиционной культуры (костюм, календарные и семейные обряды и др.) большой вклад вносит Е.А. Ягафова²⁸. Вопрос об этнокультурной дифференциации общностей (этнографических и этнотерриториальных групп) в рамках чувашского этноса Волго-Уральского региона ею был поставлен более углубленно. Исследователь подчеркивает отсутствие единого мнения по

таким проблемам, как история расселения, территориальное разграничение ЭГ и подгрупп, типология явлений традиционной культуры. Это означает, что они требуют дальнейшего изучения. Она обсуждает разные точки зрения (этнографов, языковедов, музыковедов и других специалистов) по поводу границ между основными подразделениями, в том числе образования средненизовой группы, являющейся первичной²⁹. Е.А. Ягафовой отмечается, что первичные признаки традиции лучше сохранились в южной части *вирьял*³⁰. Средненизовая группа ею определяется как самостоятельное образование, генетически связанное одновременно как с верховой, так и низовой группами, и выступающее первичной по отношению к этим двум группам. Ею сделан акцент на типологические различия — вариативность форм, терминологии, времени образования тех или иных особенностей.

Марийский этнограф Г.А. Сепеев считает, что ЭГ марийцев — горные, луговые и восточные — складываются примерно в одно и то же время с ЭГ чувашей. В междуречье Суры и Сундыря в XVII—XVIII вв. фиксируется чересполосное расселение с чувашами³¹.

Тюрколог В.Г. Егоров впервые в чувашском языкознании наметил примерные границы чувашских диалектных подразделений. Факты народных говоров он считал свидетелями истории чувашского языка³². Краткий обзор чувашских диалектов, опыт их районирования выполнил языковед Т.М. Матвеев³³. Работая в составе двух экспедиций Академии наук 1926—1927 гг., он изучал говоры подгрупп *анат енчи* и *вирьял*. В частности, третий раздел обзора диалектов исследователь посвятил проблеме «деление чувашей на этнографические группы». Г.И. Комиссаров и Т.М. Матвеев более четко высказывались о таких таксономических единицах, как «подгруппы» в составе ЭГ. Материал по всем говорам верхового, среднего и низового диалектов чувашского языка был обобщен Л.П. Сергеевым в словаре-справочнике по чувашской диалектологии. Местные говоры изучались Т.М. Матвеевым, Л.П. Сергеевым³⁴, А.С. Канюковой³⁵, Р.И. Цаплиной³⁶, В.И. Котлеевым³⁷, Г.А. Дегтярёвым³⁸, А.В. Кузнецовым³⁹ и др.

В контактных зонах языковедами были выявлены следы взаимовлияния. По предположению М.Р. Федотова, значительная часть носителей северо-западных диалектов чувашского языка когда-то представляла собой финно-угорскую этническую основу, которая впоследствии была полностью или частично тюркизирована⁴⁰. Марийзмы в говорах верховых чувашей изучал Г.В. Лукоянов⁴¹. Особенность языка присвияжских чувашей, живущих не только в Ульяновской области и Татарстане, но и в Чувашии, языковедами объясняется чересполосным характером расселения четырех этносов: чувашей, татар (носители казанско-татарского и мишарского диалектов), мордвы (представлены и мокшанский, и эрзянский диалекты), русских⁴².

Реконструкция систем чувашских говоров по данным Словаря Палласа была выполнена А.В. Савельевым в его кандидатской диссертации⁴³. Это первый опыт полного описания народных говоров XVIII в. по данным крупного письменного памятника. Говоры чувашского языка, в частности курмышской подгруппы, он изучал в полевых исследованиях. А.В. Савельев также обсуждает сценарий чувашско-марийских контактов⁴⁴.

Таким образом, языковеды констатируют, что на стыке двух диалектных систем в ходе исторического развития образовались смешанные говоры, связанные одними своими признаками с отдельным диалектным массивом, другими — с соседним массивом.

1.2. Картографирование подгрупп

Г.И. Комиссаров является составителем этнографической карты той территории Чувашского Поволжья, которая входила в Казанскую губернию. В составе верховых он выделил три, средненизовых — две подгруппы⁴⁵. В последующем исследователи продолжили работу по картографированию подгрупп ЭГ, говоров в составе диалектов чувашского языка и музыкального фольклора, опираясь на этнографическую карту Г.И. Комиссарова. Были организованы десятки экспедиций по сбору полевого материала, уточнялись границы и вносились коррективы в соответствии с этнокультурной и языковой спецификой на той или иной территории. По проблеме картографирования работали, в частности, языковеды Н.И. Ашмарин, Т.М. Матвеев, Л.П. Сергеев, А.С. Канюкова, В.И. Котлеев, Н.И. Егоров⁴⁶, А.П. Долгова, А.В. Кузнецов; этнографы П.И. Орлов, Н.И. Воробьев, Н.И. Гаген-Торн, Л.И. Иванов, В.П. Иванов, П.П. Фокин, Е.А. Ягафова, Г.Н. Иванов; музыковеды М.Г. Кондратьев⁴⁷ и А.А. Осипов⁴⁸, филолог В.Г. Родионов⁴⁹ и др.

Этнографическая карта Г.И. Комиссарова (см. приложение 1) примерно совпадает с контурами лингвистических подразделений диалектов и говоров чувашского языка⁵⁰. Южную границу *анат енчи* Г.И. Комиссаров очертил по следующей линии: Сотниково — Первое Чурашево Чебоксарского уезда [ныне Мариинско-Посадский муниципальный округ (далее МО) Чувашской Республики] — Тувси (Цивильский МО) — Цивильск — Яншихово-Челлы (Красноармейский МО). В состав *анат енчи* он включал в основном первую подгруппу — северо-западную. Смешанная «не совсем чистых *анат енчи*» полоса, на его взгляд, охватывает также расположенные южнее «основной» границы с. Бичурино (ныне Мариинско-Посадский МО) до с. Байгулово (Козловский МО)⁵¹.

Н.И. Гаген-Торн, картографировавшая костюмные комплексы, границу между *анат енчи* и *анатри* указывала по бассейну р. Кубни⁵². Группу низовых говоров Т.М. Матвеев также определял территорией к югу от этой реки⁵³. П.И. Орлов границу между этими группами фиксировал по железнодорожной линии Ибреси—Тюрлема, совпадающей с бывшей

лесополосой⁵⁴. Музыковеды границу между средненизовыми и низовыми проводят по р. Уте⁵⁵. Менее расходятся исследователи при картографировании этнографических и диалектных особенностей между верховыми и средненизовыми чувашами. Т.М. Матвеев, приняв картосхему П.И. Орлова, границу между ними проводил от с. Абашево (ныне Чебоксарский МО) в направлении к с. Богатырево (Цивильский МО), д. Яншихово-Челлы (Красноармейский МО), с. Ямашево (Канадский МО), д. Тузи-Сярмусь, с. Янгорчино (Вурнарский МО), далее — в сторону сурского лесного массива⁵⁶. Примерно такую же границу указал лингвист Е.З. Захаров, участвовавший в комплексной экспедиции 1927 г. по центральным и северным районам Чувашии.

Г.И. Комиссаров и Т.М. Матвеев первыми обратились к выделению таких таксономических единиц, как «подгруппы». В составе верховых они видели три подгруппы. Первая (северо-западная) с запада и юга ограничена реками Сура, Выла и ее притоком Орбашка (Ербаш), с. Моргауши с восточной стороны Акрамовской волости Козьмодемьянского уезда, ее граница проведена в сторону Волги.

Вторая подгруппа Г.И. Комиссаровым выделена южнее первой — между Сурой (на западе), Большим Цивилем (на юге) и Волгой (на севере), на востоке она граничит с *анат енчи*. Т.М. Матвеев южную границу данного этнографического подразделения проводил по линии Штанаша (ныне Красночетайский МО) — Аликово — Русская Сорма и р. Сорма.

Третью подгруппу, по Г.И. Комиссарову, составляет южная часть верховой зоны. На его карте она охватывает территорию верхнего бассейна рек Большого и Малого Цивиля в составе Ходаровской, Норусовской, Малояушевской и северной части Тойсинской волостей (ныне части Шумерлинского, Аликовского и Вурнарского МО). Т.М. Матвеев полагал, что в эту подгруппу могли бы войти часть Атаевской волости к востоку от р. Вылы, юг Аликовской, Асакасинская волость и южная часть Убеевской (ныне Красноармейский МО). Между тем он предложил выделить также четвертую подгруппу *вирьял* — курмышскую (совпадающую с территорией современного Красночетайского МО и частично соседних районов), которую не обозначил Г.И. Комиссаров.

Указанные в составе верховых четыре подгруппы в тех же границах можно видеть и на этнографической картосхеме Н.И. Воробьева (см. приложение 2) с названиями: 1) северо-западная (сундырская); 2) красночетайская; 3) средняя; 4) юго-восточная⁵⁷. В двухтомном издании «Чуваши: история и культура» (отв. ред. В.П. Иванов) верховые подразделены на три подгруппы, не выделяется курмышская⁵⁸. В томе «Чуваши» (2017) подтверждено районирование верховой зоны на четыре подгруппы: северо-западная (сундырская), средняя (выло-волжская), юго-восточная (междивильская) и красночетайская.

Среднюю (средненизовую) группу, обозначенную и названную Г.И. Комиссаровым *анат енчи* «нижнесторонние», по особенностям языка

и отчасти костюма Т.М. Матвеев предлагал считать подгруппой ЭГ верховых чувашей. В окающую группу последний относил также северо-западную подгруппу *анат енчи*⁵⁹. Часть Чебоксарского уезда, расположенная западнее Цивилия, с одной стороны примыкала к верховым, с другой — имела черты средней группы. Постоянные контакты с вирьялами происходили, в частности, в Чебоксарах⁶⁰.

В среднюю группу Т.М. Матвеев включал южную часть Ядринского, центральную Цивильского и южную Чебоксарского уездов⁶¹. Эту группу он называл переходной, ее южную границу определял по р. Кубне — это территории бывших Тобурдановской, Хормалинской, а также Хомбусь-Батыревской волостей. В составе «переходной» группы Т.М. Матвеев видел также представителей юго-западной подгруппы верховых (бассейн верхнего течения Большого Цивилия), кошлаушского куста средненизовых⁶². Однако названия подгрупп средней группы он четко не определил. Эту слабую сторону в его классификации ЭГ исправил Н.И. Воробьев, заметивший, что большинство лингвистов и этнографов эту группу не выделяют⁶³.

Работа этнографических экспедиций по районам Чувашии в конце 1940-х — начале 1950-х гг. показала, что чувашаи *анат енчи* сохранили большое количество древних бытовых черт, особенно в одежде, о которых у *анатри* имелись только воспоминания. Н.И. Воробьев группу *анат енчи* представлял как часть *анатри*, последние изменили свой быт, много позаимствовав у татар⁶⁴. В составе *анат енчи* он обозначил три подгруппы, дав им названия: северо-западная, юго-восточная и козловская (*мал енчи*). В книге «Чуваши» (1956) была опубликована картосхема расселения народов Чувашии, где также показаны три этнографические зоны с подгруппами⁶⁵. Однако карта получилась не совсем наглядной, ибо ее размер составляет менее половины страницы, причем черно-белой. В то же время она снабжена градусной сеткой для обеспечения точности координат. В основу были положены «Этнографическая карта» Г.И. Комиссарова и его материалы и пояснения, сделанные к ней⁶⁶. Были учтены также некоторые поправки Т.М. Матвеева к карте Г.И. Комиссарова.

В двухтомнике «Чуваши» В.П. Ивановым в составе *анат енчи* указаны две подгруппы: северо-западная (собственно *анат енчи*) и юго-восточная (*мальень*)⁶⁷. В томе «Чуваши» (2017) в этнокультурном отношении в средненизовой зоне выделяются также два района: западный (междуречье Цивилия и Аниша) и восточный (междуречье Аниша и Уты)⁶⁸.

По нашему мнению, предложенный Н.И. Воробьевым вариант выделения трех подгрупп в структуре средненизовых чувашей имеет определенные основания. Диалектологи северо-западную часть этой группы относят к верховому диалекту, в связи с чем сочетание окающего говора и ряда этнографических признаков (в частности, костюм, обрядовая культура), которые сближают ее с другими подгруппами *анат енчи*, могут сви-

детельствовать о правомерности выделения **нижнецивильской подгруппы**⁶⁹. Ее территория охватывает зону нижнего течения Большого Цивилия и его левых притоков Унги и Рыкши, на западе она граничит со средней группой верховых по линии Кугеси—Синьялы, на юго-востоке ее территория ограничена лесополосой. Следует отметить, что во второй половине XVI — XVII в. с территории бывших Рунгинской, Сундырской, Кошкинской, Кувшинской, Шерданской волостей на юг направлялись потоки мигрантов.

Юго-восточная (или центральная) подгруппа средненизовых располагается южнее первой, имеет протяженность до Вурнар, охватывает кошлаушский, ораушко-ачакасинский и татмышский кусты деревень, на юге простирается до лесополосы (ныне по железнодорожной линии Ибреси—Урмары). В бассейне Большого и Малого Цивилия фиксируется переходная зона, где существовали элементы разных этнографических комплексов (*вирьял* и *анат енчи*, *вирьял* и *анатри*). В восточной части *анат енчи* четко выделяется **козловская (или урмарско-козловская) подгруппа**, охватывающая водораздел бассейнов рек Аниш и Кубня с притоком Аря.

Нечеткость в районировании ЭГ средненизовых чувашей отразилась также в томе «Чуваши» (2017), где не совсем соответствуют друг другу карта «Этнографические группы чувашей» и аналитический текст по поводу переходной зоны между *анат енчи* и *анатри*. Если на карте южная граница *анат енчи* обозначена на севере Канашского МО и охватывает пос. Урмары, то в тексте она указана южнее р. Ари вплоть до р. Уты.

Переходную зону между средненизовыми и низовыми чувашами образует северная подгруппа низовых, территорию которой занимают притоки Кубни — Аль, Ута, Урюм, Хома — это территории современных Янтиковского, Канашского (южная часть), Ибресинского (кроме абакасинского и кубнинско-малокармалинского кустов) МО.

Вопрос о разбивке низовых чувашей на подгруппы Г.И. Комиссаровым был оставлен без внимания, поскольку область районирования в его работе касалась только Казанской губернии. Т.М. Матвеевым впервые были намечены подразделения этой группы: 1) южно-цивильская — от лесополосы до р. Кубни на юге, включая также селения Хормалинской и Хомбусь-Батыревской волостей; 2) междуречье Кубни, Булы и Карлы без включения ее верховья; 3) ареал от Шемуршинской и Шамкинской волостей (ныне Шемуршинский МО) до Тимерсяновской волости Ульяновской губернии (ныне Цильнинский муниципальный район Ульяновской области); 4) подгруппа, локализованная вокруг г. Буинска, то есть Рунгинская и Бурундуковская волости [ныне Республика Татарстан (далее РТ)]⁷⁰.

Две подгруппы, выделенные Т.М. Матвеевым в лесостепной зоне, относятся к южной периферии низовых чувашей, где само население подразделяет лесную *върман енё* (*върман тейшии*) и степную *хир енё* (*хир тейшии*) стороны. Первая локализуется вдоль побережья Волги, вторая примыкает к присурскому лесному массиву.

Группу низовых говоров Т.М. Матвеев определял территорией к югу от р. Кубни. Им были выделены 3 группы говоров: батыревский, западно-буинский, восточно-буинский или прибуинский⁷¹.

Картосхема Н.И. Воробьева относительно разделения *анатри* на подгруппы лишь частично совпадает с вариантом картографирования Т.М. Матвеева. Так, границу первой (переходной) подгруппы низовых чувашей, включающую Канашский и Урмарский районы (ныне МО), Н.И. Воробьев ограничивал на юге р. Урюм. Этнограф сохранил устоявшее название «степная/*хирти*» для обозначения юго-восточной подгруппы низовых и впервые выделил юго-западную подгруппу, дав ей название «подлесная», что было обосновано этнографическими различиями между ними. Граница между данными подгруппами проведена им лишь в пределах Чувашии и обозначена примерно по автотрассе Канаш—Ульяновск⁷². Если северная подгруппа определяется как более раннее образование, то степная и подлесная подгруппы — как более поздние⁷³. Выше отмечалось, что название *хирти* ранее бытовало как синоним *анатри*.

В томе «Чуваши» (2017) подтверждено разделение ЭГ низовых чувашей на три подгруппы, установленные Н.И. Воробьевым в 1956 г.: северную, подлесную (западную) и южную (степную). Локализация северной подгруппы, являющейся переходной, не находила единого мнения у специалистов разных направлений⁷⁴. Е.А. Ягафова ее разграничивает районом междуречья Уты/Ари и Кубни (переходная зона между ареалами средненизовых и низовых чувашей). Не вызывают споры ареалы расселения степной и подлесной подгрупп. В частности, к степной подгруппе относятся территория современного Яльчикского МО, восточные части Батыревского, Комсомольского и Шемуршинского МО, а также локальные группы чувашей, проживающих в Буинском, Тетюшском и восточной части Дрожжановского муниципальных районов Татарстана и Цильнинского муниципального района Ульяновской области.

Историографический анализ показывает особенности зонирования групп по исследованиям этнографов, языковедов и музыковедов. Вышесказанное свидетельствует, что между исследователями имеются разные мнения по поводу истории формирования, территории расселения ЭГ и подгрупп, типологии признаков традиционной культуры.

Границы между ЭГ, отчасти между подгруппами, в определенной степени можно проследить до настоящего времени по бытующим костякомным комплексам, изготовленным народными мастерами и этнокультурными центрами⁷⁵. Нами выявлено, что граница между *анат енчи* и *вирьял* в целом совпадает с картосхемой Н.И. Воробьева, между *анат енчи* и *анатри* — картосхемой Л.П. Сергеева (см. приложения 3, 4). Достаточно четко проявляются языковые и музыкальные диалекты⁷⁶. Материалы для диалектологического атласа чувашского языка систематически картографировались.

2. ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ РАССЕЛЕНИЯ ПОДГРУПП

По археологическим источникам установлено, что до второй половины XIV в. булгарами была заселена только юго-восточная часть Чувашии. В ее юго-западной части выявлены археологические материалы, которые связываются с мордвой первой половины XIV в., в частности Утюжское поселение Присурья⁷⁷. Памятники Среднего Присурья дают возможность судить о проникновении мордвы на Суру в XIII—XIV вв., что подтверждается как при анализе старого материала, так и по новым раскопкам⁷⁸. Недавно открытые памятники — Анаткасинский могильник и погребения в д. Девлетгильдино Мариинско-Посадского МО — обнаруживают значительное сходство с древнемарийскими могильниками IX—XI вв.⁷⁹ Русское проникновение в Чувашское Поволжье археологами фиксируется начиная с золотоордынского времени. В топонимических преданиях сообщается о факте ассимиляции чувашами немногочисленных групп русского населения в ряде местностей (например, с. Алманчино Красноармейского МО, с. Оточево и д. Шатьмапоси Моргаушского МО и др.), последствия которой якобы проявлялись во внешнем облике отдельных чувашских селений⁸⁰. Таким образом, в присурском массиве расселения верховых чувашей прослеживается наследие мордвы, в северо-западной части Чувашии — марийцев, мордвы и русских, в центральной и северной — марийского населения⁸¹. В целом же территория Чувашии была освоена слабо.

После опустошения Булгарской земли во второй половине XIV — начале XV в. население переселялось из Закамья в Приказанье, Заказанье, часть, вероятно, — также в центральные и северные районы современной Чувашии. К числу позднебулгарских памятников времен Золотой Орды и Казанского ханства относятся, в частности, чувашские средневековые «языческие» кладбища в западной части расселения верховых (Ирхасинский могильник в Моргаушском, Яушский в Чебоксарском МО), центральной части средненизовых (Тойсинский могильник в Цивильском МО). Эпитафии, выявленные в районах расселения козловской подгруппы *анат енчи*, северной и степной подгрупп *анатри* датируются периодом Казанского ханства⁸².

Освоение болгаро-чувашами правобережья Волги было связано с периодом существования семейно-родственных групп (патронимий) *ăру*, *йăх*, *тăхăм*. Главы таких групп, родоначальники в преданиях обозначаются часто термином *унйшка*. Межбрачные связи между родственными деревнями, основанными братьями, согласно преданиям, не осуществлялись. На последующем этапе общественный строй вступил в стадию соседской территориальной общины, деревни состояли уже из отдельных околотков, гнезд *ушкăнь*, *касси*, образованных переселенцами из разных местностей. Историко-мифологические сюжеты, как и данные о наличии патронимического уклада при выборе мест поселений, чаще встречаются

в преданиях средненизовых и верховых чувашей. Указанные нарративные источники отчасти отражают причины миграции населения, хозяйственное освоение территории, образование групп деревень и формирование объединений для проведения общественных молений, обрядов и праздников⁸³. Вместе с тем датировка и освещение событий, содержащихся в рассказах информантов, требуют критического подхода.

Скудные источники и материалы исторических преданий могут свидетельствовать, что в междуречье Суры и Цивили чувашаи переселялись с низовий Камы, Приказанья, среднего течения и низовья Свияги и ее левых притоков, в частности Ари. Однако не имеется исторических свидетельств о численности массива мигрантов на северо-востоке Чувашии. Часть чувашей, мигрировавшая на север вместе с марийцами, ассимилировалась луговыми марийцами (возможно, они вошли в состав моркинской подгруппы последних), значительная часть мигрировала на правобережье Волги, в междуречье Цивили и Аниша, что нашло отражение в источниках⁸⁴. Население юго-восточных лесостепных районов Чувашии, спасаясь от разбойничьих походов и опустошительных набегов, уходило на север, в лесные районы, отграниченные от юго-восточных полосой так называемых кошлаушских лесов, простирающихся вдоль р. Урюм по обеим сторонам. В юго-восточной части чувашаи получили возможность для повторного освоения только в конце XVI — XVII в.⁸⁵

По данным писцовых переписей и других актов второй половины XVI — XVII в. В.Д. Димитриевым установлено, что на правобережье Волги, на территории Чувашии, существовало около 200 материнских селений⁸⁶. В первой половине XVIII в. в волостях (сотнях, пятидесятнях) семи уездов, компактно заселенных чувашами, насчитывалось не менее 500 материнских селений, из них большая часть (315) — в Свияжском и Чебоксарском уездах⁸⁷. Распределение материнских селений по этнографическим группам в первой четверти XVIII в. представляется таким (подсчитано нами): средненизовые — не менее 300 населенных пунктов, верховые — около 100, низовые — более 100 сел и деревень. Эти данные могут свидетельствовать о том, что формирование подгрупп в территориальном плане происходило главным образом в XVI — начале XVIII в. Основная масса населения проживала в средненизовой зоне. Археологические материалы также показывают, что расселение чувашей на левобережье Свияги и далее до Суры происходило в основном в XV—XVII вв.

2.1. Средненизовая зона

Существуют различные версии о времени формирования этнографической группы *анат енчи*: по одной из них — в XIII—XV вв., по другой — лишь в XVIII в. в результате расселения в Прианишье и Прицивилье «низовых» чувашей из Приказанья и Присвияжья⁸⁸. Топонимика зоны *анат*

енчи свидетельствует о заметном марийском субстрате, что установлено языковедами. К примеру, имеются ойконимы на *-анар/-енер*, *-нар/-нер* (Коснары, Шанары, Миснеры), *-мас*, *-мес* (*Ителмес*, *Пӓрмас*)⁸⁹ и др. Полагают, что часть марийцев, которая там оставалась, впоследствии «очувашивалась»⁹⁰.

Северо-западная подгруппа *анат енци*. В исторических преданиях отразились некоторые свидетельства о переселении чувашей из южных районов правобережья Волги — верховьев Свияги и с левобережья Волги в центральные и северные районы современной Чувашии⁹¹. Истоки миграций предания связывают также с луговой стороной, к примеру, имеются легенды об основателях деревень Итяково, Бичурино и др.⁹², являвшихся материнскими для ряда селений. Булгаро-чувашские традиции и элементы усиливались по мере прибытия сюда новых групп мигрантов с Присвияжья и Казанского уезда⁹³. Чувашские переселенцы второй половины XVI — XVII в. селились в разных местах этой зоны. К примеру, по документам известно, что чувашаи волости Кужоморы Галицкой дороги Казанского уезда в 1620-х гг. основали деревни Кужмары и Сатышево (ныне Мариинско-Посадский МО)⁹⁴. Селения Кинярской, Туруновской и ряда других волостей Чебоксарского уезда, вероятно, образовались в конце XV — XVI в. На территории расселения северо-западной подгруппы встречаются мордовские названия: Мошкасы, Мокшино.

Средняя подгруппа *анат енци* формировалась не только переселенцами из Присвияжья и Приказанья, но и северной, нижнецивильской, части зоны. Так, в Кинярской волости Чебоксарского уезда числились Чурачиково (ныне Цивильский МО) и Шихазаны⁹⁵, во Второ-Тугаевской Цивильского уезда — Сиделево, Шугурово (ныне Канашский МО), Хирпоси, Хирпоси-Тойси (ныне с. Орауши Вурнарского МО), в Кокшайском уезде — Атнашево (ныне Канашский МО)⁹⁶. С Арской дороги Казанского уезда переселились основатели деревень Старые Шигали (ныне д. Анчик-касы Цивильского МО), Дальние Шигали (Шигали, Дальние и Ближние Сормы), Чагасы, Вутабоси, Кибечи, Ухманы (ныне Канашский МО) и др.⁹⁷

В XVII в. сложился кошлаушский куст деревень, куда прибывали чувашаи из низовьев Цивилия (из Булатово, Мамалаево и других селений Рунгинской волости Цивильского уезда)⁹⁸. Переселенцами из северной части зоны *анат енци* и Приказанья было образовано татмышско-ачинское гнездо деревень⁹⁹.

По писцовым книгам Свияжского уезда 1565—1567 гг. устанавливается, что самые южные чувашские селения доходили до р. Кубни¹⁰⁰.

Козловская подгруппа связана своим происхождением с населением низовой р. Свияги и Приказанья, что известно по писцовым книгам и преданиям. Первыми жителями Баланово, Бишево, Малое Карачево, Кинеры, Липово, Чутеево, Кичкеево (ныне Козловский и Янтиковский МО), согласно преданиям, являлись мокшане. Мокшанский след отразился также

в топонимике — в названиях селений (например, д. Малое Бишево) либо улиц. Мордва-мокша покинула земли Присвияжья, получив свободу после их освобождения от татарских землевладельцев русскими войсками¹⁰¹.

На место д. Арабоси (ныне Урмарский МО) чуваши, судя по преданиям, поднялись по Волге, с низовий Камы — основатели д. Старые Урмары¹⁰². Из Заказанья мигранты прибыли в д. Челкасы (ныне Урмарский МО). Предания свидетельствуют о переселениях из татарско-чувашских деревень Присвияжья (Большое и Малое Утяково, Ачасыр, Муралеево и др.)¹⁰³. Татарский исследователь К. Насыри, изучивший предания и другие материалы по истории селений Свияжского уезда, установил, что основателями многих селений этого уезда, впоследствии ставших татарскими, были чуваши¹⁰⁴. В исторических преданиях говорится об оставлении насиженных мест в бассейне р. Кубни, так как в 1557 г. началась раздача русским земель ясачных чувашей в Свияжском и Чебоксарском уездах¹⁰⁵.

В целом, за начало массового переселения булгаро-чувашей на северо-восток Чувашии и освоения земель, расположенных в междуречье Цивили и Кубни, в современной версии принимается рубеж XIV—XV вв., что связывается с разгромом Булгарского улуса в 1391—1395 гг.¹⁰⁶ Чуваша переселялись из южных районов правобережья Волги — Присвияжья и с левобережья Волги, Приказанья и Заказанья. Переселенческое движение из этих районов продолжалось до начала XVII в. К тому же оно происходило внутри средненизовой зоны — с северной части в южную. В формировании подгрупп *анат енчи* участвовали также марийцы и мордва-мокша.

2.2. Верховая зона

Верховые чуваша более других групп смешивались с местным финно-угорским населением, прежде всего с марийцами. Многие элементы, найденные в погребениях, являются традиционными для последних. В результате ассимиляции марийцев образовались сундырская и отчасти выло-волжская подгруппы *вирьял*. Процесс ассимиляции горномарийского компонента путем брачных связей и совместного проживания и интеграции с ним продолжался длительное время — вплоть до XIX в.

В зоне *вирьял* оседали чувашские переселенцы из разных направлений: средненизовой зоны, луговой стороны Волги, из Казанского уезда, Присвияжья, мигранты прибывали также по Суре (с юга и севера)¹⁰⁷. О перемещениях из указанных районов свидетельствуют лингвистические, исторические (к примеру, данные переписей), топонимические материалы. Проведенный Н.И. Ашмариным, В.Г. Егоровым, М.Р. Федотовым, Н.И. Егоровым и другими языковедами анализ показал, что из правобережных районов Цивили чувашская лингвистическая экспансия распро-

странялась в левобережные районы этой реки, где в результате языковой ассимиляции марийского языкового субстрата оформились говоры верхового диалекта¹⁰⁸.

Исследователи пришли к выводу, что **юго-восточная подгруппа *вирьял*** является прямым продолжением центральной (аниш-цивильской) подгруппы *анат енчи*. Селения были основаны выходцами из Свияжского (Аринская, Чекурская и другие волости), Чебоксарского (Алгашинская волость), Цивильского (Тугаевская волость) уездов. В частности, д. Абызово, ставшая родовым названием 17 деревень, первоначально числилась в Чекурской волости Свияжского уезда¹⁰⁹. Из этого уезда (Аринской, Шигалеевской волостей) вышли также основатели деревень Кивсерт-Мурат, Альменево, Большое и Малое Яушево, Мачисово (ныне Вурнарский МО)¹¹⁰. Село Нурусово из Тугаевской волости Цивильского уезда было родовым рядом близлежащих деревень, Сугут-Торбиново образовано мигрантами из Сугутской, Алгаши (ныне Шумерлинский МО) — из Алгашинской волостей Чебоксарского уезда¹¹¹. Выходцами из Казанского уезда была основана Яндоба (ныне Аликовский МО), яндобинцы переселялись затем на юг — в верховье Малого Цивилия и на Хому¹¹².

Разнообразными были миграционные потоки при формировании **средней (выла-волжской) подгруппы**. В предании говорится, что основатели с. Икково пришли с севера (из-за Волги) и юго-востока¹¹³. Убеево-Янмурзинский куст с родственными деревнями являлся, вероятно, одним из старых¹¹⁴. Миграционные потоки из зоны *анат енчи* (XVI в.) положили начало селениям Тинсарино (ныне с. Большая Шатма Красноармейского МО), Первое и Второе Байрашево (ныне д. Иштереки и д. Сыбайкасы Моргаушского МО)¹¹⁵. Выходцы из Тинсарино переселялись затем на р. Сорму¹¹⁶. В преданиях о происхождении деревень, входивших в Шумшевашскую, Аликовскую, Тувановскую сотни Юмачевской, Вильской и Сорминской волостей (средняя и курмышская подгруппы), прослеживалось движение населения с севера на юг, с востока и юго-востока на запад¹¹⁷.

Курмышская подгруппа формировалась в XVI—XVII вв., новые селения появились также в XVIII в. (в частности, д. Хозанкино). Она образовалась в результате передвижения чувашей с территорий средней и сундырской подгрупп верховой, а также из средненизовой зон. О продвижении мигрантов из юга по р. Суре могут свидетельствовать косвенные данные, т. е. предания¹¹⁸. Так, основатели д. Большие Атмени переселились из одноименной деревни на р. Вылу (с востока), д. Ягунькино *Тракушкянь* — из д. Трак (ныне с. Красноармейское)¹¹⁹.

Возникшие по обе стороны р. Вылы деревни (от Шемердян до Раскильдино) упоминаются в XVII в., в частности, в составе Вильской волости. Территория южнее р. Кумашки (приток Суры) была заселена чувашами из Туруновской и Ишлеевской волости Чебоксарского уезда в XVII в. (с. Ходары, д. Торханы и др.)¹²⁰. Ряд селений курмышской подгруппы был

основан переселенцами из Кинярской и Сугуцкой волостей этого уезда — Сареево, Байбахтино (ныне д. Кукшумы Ядринского МО)¹²¹. На эти земли переселились также из Свияжского (д. Верхнее Аккозино), Ядринского уездов (д. Испуханы, д. Сормово), образовавших селения Аликово, Мочеево, Сура-Шумшеваши и др.¹²² Из сундырской подгруппы были основатели с. Красные Четаи¹²³.

Мордовский след прослеживается в названиях ряда селений курмышской и сундырской подгрупп: Урумово (*Кивё Ирчемес*), Мочковаши (*Сён Ирчемес*) и Озиново (*Ирчекасси*), Юрмекейкино (*Купёрля*)¹²⁴.

Ряд селений **сундырской подгруппы** был основан служилыми чувашами в конце XVI в., в частности, сотным князем Атачкой Ботаковым — Оточево и его братом Бахтишкой Пигильдовым — Бахтигильдино (Кинярская волость)¹²⁵. Моргауши — Васькино тож, Хоракасы и другие находились в сотне князя Уразлина Сюрбеевской волости Цивильского уезда (данные 1604 г.)¹²⁶. При отводе земли указывался разный состав мигрантов: «Старожилы черемиса и чуваша разных уездов и деревень»¹²⁷. В Кинярской волости значились деревни Акрамова, Вторая Байрашева и Оточева. Их основатели поначалу имели бортные урожаи в этих лесах, потом пахотные участки, в XVI в. возникли селения¹²⁸.

В Козьмодемьянском уезде в Алдышевскую, Кобяшеву, Тенякову сотни и Чигирееву пятидесятью входили более 40 материнских деревень. В Алдышевской сотне под названием Ачкарян существовало несколько деревень (Сесьмер, Москакасы, Ахманеи и др.). В Кобяшевскую (деревни Малая и Большая Оринина, Хачкасы) и Тенякову сотни (Тяптяева, Карачкина, Тюмерли, Юванова) входили чувашские и марийские деревни. С притока Суры Айхал пришли основатели селений Большое и Малое Чурашево (в последнем жители — русские)¹²⁹.

В северо-западной части Чувашии был записан ряд преданий о заселении чувашей в основанных марийцами селениях, либо чувашаи оседали рядом с ними (согласно преданиям о возникновении деревень Токшик, Юнга и др.), что отражалось в соответствующих названиях: *Чйвашкасси* (Чоккасси), *Сармйскасси* (Сярмускасси)¹³⁰. В преданиях зафиксированы марийские имена первых жителей. Названия Тюмерля, Сундырь и ряд других связаны с марийской топонимикой. Г.И. Комиссаров указывал на интенсивность брачных связей чувашских деревень данной местности с марийцами¹³¹. В период, когда Н.И. Ашмарин изучал говор сундырской подгруппы (рубеж XIX—XX вв.), продолжалось активное взаимодействие чувашей и марийцев. В верховом диалекте отложился новый пласт марийской лексики субстратного происхождения¹³².

Итак, переселенцы передвигались в верховую лесную зону по рекам Цивиль, Унга, Рыкша, Шатьма, Сорма, Выла, Сура, Йершу и др. Образование групп деревень и формирование подгрупп представляли собой процессы, происходившие одновременно¹³³. Вокруг основной материнской

деревни формировалась группа дочерних селений. Здесь многочисленны предания, указывающие, из каких деревень произошли околотки либо из каких околотков — деревни. Переселенцы, образовавшие дочерние селения, сохраняли названия материнской деревни. Среди территориальных особенностей в формировании подгрупп верховых можно указать степень участия марийцев (наибольшая у северо-западной подгруппы, наименьшая — у юго-восточной), удаленность и изоляцию (они характерны для северо-западной и курмышской подгрупп).

2.3. Низовая зона

ЭГ низовых чувашей сложилась на юго-востоке современной Чувашии и территории соседних присвияжских и прицильнинских районов Татарстана и Ульяновской области главным образом на базе переселенцев из ареала расселения *анат енчи*. Она начала формироваться позже двух других — в основном после присоединения Чувашии к Русскому государству. Чуваша-вирьялы, занятые освоением присурских лесов, мало переселялись в Дикое поле. Тем не менее все подгруппы *анатри* — северная, степная, подлесная — связаны по происхождению не только с подгруппами *анат енчи*, но и *вирьял*.

В процессе заселения степных районов юга Чувашии в XVII в. начали складываться новые подгруппы низовых чувашей — степная и подлесная. В начале этого столетия сформировалось большинство селений присвияжского бассейна степной подгруппы. В бассейнах ряда рек (Цильна, Кильна и др.) продолжали селиться и во второй половине XVII в. После организации сторожевой службы и укрепленных линий и обеспечения безопасности были созданы условия для переселения страдавших мало-земельем чувашей с северо-восточных, центральных и частично северных районов в юго-восточные и южные районы. Наряду с чувашскими крестьянами в освоении Дикого поля приняли участие татарские и мордовские крестьяне, а также русские помещики. Заселение южной периферии, начавшееся во второй половине XVI в., в широких масштабах продолжалось до начала XVIII в.¹³⁴

Северная подгруппа. Одно из основных переселенческих движений связано с притоком населения из-за Волги или Присвияжья, в частности по р. Кубне и ее притокам Уте, Урюму, Хоме. В преданиях наряду со сведениями о первых переселенцах, основавших деревни, отложился мифологический материал о следовании основателей за животными, чаще всего за коровой, и выборе места для заселения (там, где животное остановится, принесет приплод). Такие предания были записаны в Алдиарово, Старое Буяново и др.¹³⁵ Выходец со средней Свияги Темеш считается основателем д. Янтиково и дочерних селений. Темешевские земли представляли собой часть «поросших мордовских [мокша] земель». Здесь и на

Хоме возник ряд деревень темешевцев. Переселенцы из Темешевской волости основали затем селения на Диком поле — Тораево (на Малой Буле), Апанасово, Янтиково (на Большой Буле) (ныне Яльчикский МО), Ивашкино (ныне Комсомольский МО). Переселенцами со Свияги, судя по преданиям, были основаны Чутеево, Яншихово-Норваши и др.¹³⁶ Служилые чуваш и татары д. Индырчи были переселенцами из Казанского уезда (начало XVII в.)¹³⁷.

В деревнях Яншихово-Норваши, Темешева, Камаево поле Темешевской волости и ряде других чуваш проживали вместе с русскими «положняниками», которые были размещены в чувашских и татарских селениях в период Казанского ханства¹³⁸. На правобережье Волги они зафиксированы в Списках 1565—1567 гг.¹³⁹ Как многонациональное поселение (мордва, чуваш, русские) возникли Большие Кошелеи (ныне с. Комсомольское)¹⁴⁰.

Вероятно, родственными являлись деревни Ута-Камаева поле (ныне пос. Вудоялы Ибресинского МО), Старая Бахтиярова или Вутоял (ныне д. Бахтиярово Янтиковского МО), Новое Бахтиярово на Большой Буле (ныне Батыревский МО)¹⁴¹. Ряд деревень в бассейне Хомы был основан в 1607—1608 гг. выходцами из татарской сотни Князь-Аклычева Свияжского уезда, в том числе Асаново (ныне Комсомольский МО), Андрюшево, Климово, Кляшево, Новое Чурашево (Ибресинский МО)¹⁴².

Степная подгруппа (*хирти*) формировалась в основном выходцами из Приивилья и Прианишья, а также Присвияжья и Казанского уезда. По рекам Ерыкле, Большой Буле расселялись переселенцы из Утинской (Новое Тинчурино, Бахтиярово), Темешевской (Малая Ерыкла, Апанасово), Шигалевской (Полевые Козыльяры, Кильдишево), Аринской (Избахино) волостей Свияжского, из Кошкинской волости Цивильского уезда (Кошки-Куликеево); по р. Малой Буле — из тех же волостей, а также из Яльчикской (Малые и Большие Яльчики, Новое Байдеряково и др.) и Чекурской (Полевые Буртасы) волостей Свияжского уезда¹⁴³. Выходцы из Князь-Аклычевой сотни образовали группу родственных деревень — Большая и Малая Таяба и др.¹⁴⁴ (они ныне входят в состав Яльчикского МО).

О переселении из зоны *анат енчи* и образовании одноименных деревень свидетельствует ряд преданий¹⁴⁵. В официальных названиях населенных пунктов сохранилось первоначальное оканье, присущее основателям некоторых селений *хирти* (например, д. Кошки-Куликеево).

Первые поселения южной периферии низовых чувашей образовались уже в конце XVI в. В 1593—1594 гг. в результате отражения ногайских набегов на р. Хирле (Карле) была основана д. Тимбаево, названная по имени переселенца Кошкинской волости Цивильского уезда Тимбая Янышева. В числе самых старых селений исследователи указывают также Старое Чекурское, Табар-Черки, Ишли, Какерли, Чепкас и др., неко-

торые из них возникли, возможно, в период Казанского ханства¹⁴⁶. Многие деревни сформировались в первой половине XVII в., когда царское правительство переселяло значительное число служилых чувашей и татар на Карлинскую засечную черту. Аналогичным образом служилыми чувашами были основаны селения в бассейне Цильны: Альшихово, Малые Убеи, Старое и Новое Ильмово, Чувашское Дрожжаное и др. (ныне Дрожжановский муниципальный район РТ)¹⁴⁷. Новые чувашские поселения зафиксированы также в 1618 г.¹⁴⁸ Согласно точке зрения Н.И. Воробьева, татары, уходя, под давлением русских с земель около Свияжска и южнее между Волгой и Свиягой, потеснили чувашей к западу севернее р. Карлы и заселили восточную часть степной территории вдоль Свияги, оставив чувашам возможность расселяться только по ее левым притокам¹⁴⁹.

«Симбирская» территориальная группа чувашей сформировалась в XVII—XVIII вв. В ее состав вошли переселенцы из Казанского, Свияжского, Чебоксарского, Кокшайского, Цивильского уездов, в том числе из Убеевской волости (д. Янмурзино и д. Досаево) зоны *вирьял*. Убеевы вначале основали деревни Новоприписные Убеи и Начар-Убеево (ныне д. Красномайск Батыревского МО), затем — Убеевский куст (ныне Дрожжановский муниципальный район РТ)¹⁵⁰.

Подлесная подгруппа *анатри* также формировалась в основном из мигрантов средненизовой зоны, а также прилегающих местностей верховых чувашей. Об этом говорят как предания, так и исторические документы. Так, выходцы из д. Шихазаны Кинярской волости основали д. Степные Шихазаны, из д. Старое Шептахово Чекурской волости — д. Полевое Шептахово (ныне Комсомольский МО); из д. Бокашево той же волости (ныне Передние и Средние Бокаши Мариинско-Посадского МО) — д. Бакашево; из д. Мукрукасы Сундырской волости — Турмышево (ныне Верхнее и Нижнее Турмышево Батыревского МО)¹⁵¹. Мигрантам из Шигалеевской волости Свияжского уезда была отведена земля по речке Оборше, где в 1601—1602 гг. возникла д. Полевые Шигали (ныне д. Нижние Бюртли-Шигали, с. Норваш-Шигали, д. Подлесные Шигали, а также д. Тигашево Батыревского МО); из д. Алдиарово в 1604 г. — д. Чурачики (ныне Комсомольский МО). Чуваша из Князь-Аклычевской сотни образовали д. Асаново на р. Бездне (ныне Шемуршинский МО); из д. Именево Чебоксарского уезда — д. Именево (ныне Батыревский МО)¹⁵². Выходцем из верховой зоны был тархан Еникей, житель д. Яндобы Юмачевской волости Чебоксарского уезда (ныне Аликовский МО), основавший д. Ендоба (ныне Комсомольский МО)¹⁵³. Переселением в пределы Дикого поля марийцев, проживавших «в польских деревнях Чемурушинской волости Кокшайского уезда», объясняется возникновение Шемурши. Они впоследствии очутились¹⁵⁴.

В формировании подлесной подгруппы участвовали также чуваша из Казанского уезда. В 1620-е гг. они основали д. Баишево (ныне с. Балабаш-Баишево Батыревского МО), с. Шерауты (ныне Комсомольский МО), д. Кубня (ныне Ибресинский МО), с. Бичурга-Баишево (ныне Шемуршинский МО)¹⁵⁵.

В актовых источниках XVIII в. многие деревни Буинского, Тетюшского и других уездов бывшей Симбирской губернии значатся как смешанные татарско-чуваши. В ряде таких деревень впоследствии чувашами омишарились (например, Старое Шаймурзино, Елховое Озеро).

Таким образом, северная подгруппа сложилась в результате переселения со второй половины XVI в. преимущественно из районов расселения *анат енчи* и с низовья Свияги. Степную подгруппу формировали во второй половине XVI — начале XVIII в. выходцы из центральных районов Чувашии, Приказанья и Заказанья, переселенные правительством Русского государства после взятия Казани, а также в результате вольной колонизации территории. К степной подгруппе примыкает присвияжская локальная группа чувашей. Подлесная подгруппа сложилась вследствие миграции средненизовых, отчасти также верховых чувашей. Если в составе низовых территориальными (вторичными), безусловно, являются степная и подлесная подгруппы, которые представляют собой более поздние образования, то северная подгруппа обладает также признаками генетического этнокультурного таксона, имеющего черты первичности.

3. ФОРМИРОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ГОВОРОВ И КОМПОНЕНТОВ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ПОДГРУПП

Для исследования формирования этнографических подразделений и их специфических черт важным методологическим требованием является применение ареального подхода к интерпретации диалектных и этнокультурных особенностей. Сравнительный материал дает и внешняя реконструкция — сопоставление с элементами, формами, системами родственных культур, в частности, с тюркской (казанскими татарами, мишарями, кряшенами), а также ареальной культурой или этноконтактной зоной. На разных этапах происходили чувашско-марийские, чувашско-мордовские, татарско-чувашские, русско-чувашские контакты, имеющие прямое отношение к более поздней интерференции культур. С учетом этих факторов нами предпринята сравнительная характеристика верхового, средненизового и низового культурно-языковых комплексов. Подгруппы ЭГ имеют специфику говоров и культурно-типологических признаков — особенно одежды и обрядовой культуры. В докладе мы ограничились характеристикой женского костюма и свадебных обрядов подгрупп. Это объясняется рядом обстоятельств. Женский комплекс одежды является наиболее показательным компонентом при дифференциации этнографических подразделений. В обрядовой культуре этнодифференцирующие признаки более всего проявляются в свадебной и календарной обрядности, менее — в погребальной и родильной, поскольку они отличаются консервативностью. Рамки доклада не позволяют включить в анализ календарный цикл.

3.1. Подгруппы и говоры

Разработка проблем исторической диалектологии представляется архисложным вопросом. Исследователи располагают источниками, появившимися в основном лишь в XVIII в.¹⁵⁶ Так, в памятниках письменности XVIII — первой половины XIX в. зафиксированы данные нескольких говоров *вирыял*¹⁵⁷. Отмечается возможное изменение границ изоглосс за последние несколько веков. Существенные различия больше относятся к фонетическому оформлению словообразовательных и словоизменяющих аффиксов. Далеко не все специфические черты языка и культуры в рамках данных комплексов удовлетворительно изучены.

Средний диалект. У *анат енчи* представлены подгруппы с окающим и укающим диалектами, здесь наличествуют следы мажарского (мажары — самоназвание венгров) или можарского (*мучар*) компонента, марийский и мордовско-мокшанский отпечаток в ономастике. Как отмечают диалектологи, средний диалект менее подвергался иноязычным влияниям, в частности марийского и татарского языков. Картосхемы этнографических групп и диалектов, выполненные этнографами и языковедами, в значительной степени совпадают. Исключение составляет северо-западная подгруппа *анат енчи*, северная часть которой диалектологами включается в зону распространения верхового диалекта (далее ВД), южная — в состав среднего диалекта (далее СД).

Н.И. Ашмарин в «Записке...» к диалектам *анатри* (имеется в виду зона средненизовых чувашей) относил части говоров Цивильского, Чебоксарского, Ядринского уездов¹⁵⁸. В Словаре чувашского языка представлено такое же районирование: говоры Чебоксарского уезда (часть в составе *вирыял*, часть — *анатри*), говоры Цивильского уезда (*анатри*), говоры Ядринского уезда (*анатри*)¹⁵⁹.

По Т.М. Матвееву, средний диалект охватывал, кроме средненизовых (за исключением северо-западной части *анат енчи*), юго-западную подгруппу верховых и северную подгруппу низовых¹⁶⁰. Так, говор янтиковских чувашей он включил в состав СД. Говорами СД, или средними говорами (так называемая переходная группа), Т.М. Матвеев называл следующие: вурнарско-нурусовский (этот переходящий говор он повторяет и в составе ВД); центрально-цивильский (центральная подгруппа средненизовых); южно-цивильский (северная подгруппа низовых); восточно-чебоксарский (козловско-урмарская подгруппа средненизовых).

Смешанный, или переходный, говор чувашского языка А.С. Канюковой делится на центрально-цивильский говор и козловский подговор. Она не употребляла термин «средний диалект»¹⁶¹. Р.И. Цаплиной в составе ПГ (переходной говор) отдельно описывается козловско-урмарский говор¹⁶².

Согласно диалектному членению чувашского языка Л.П. Сергеева, смешанный (или средний) диалект является зоной переходных говоров и занимает промежуточное положение между говорами верхнего и нижнего

диалектов (далее НД). Говорами СД являются урмарский (козловская подгруппа), цивильско-мариинско-посадский (нижнецивильская подгруппа), малоцивильский (центральная подгруппа).

Изоглоссы показывают, что в СД преобладают явления НД¹⁶³. Для всей зоны СД характерно явление губного сингармонизма однородных кратких огубленных гласных *а°, ё°*, свойственного говорам ВД: *пăтă°* «каша», *çĕмĕрт* «черемуха» и др. Оканье встречается спорадическими островками на севере СД. Чаще всего здесь употребляется уканье, по мере приближения к границе ВД (на севере республики) распространено произношение среднего звука между *у* и *о*: *пу°р* «есть», *у°рам* «улица». Островной характер употребления *у* или *о* ярко бросается в Цивильском и Мариинско-Посадском районах (ныне МО). Для СД характерны свои специфические особенности, которые отсутствуют в системе двух других диалектов.

Ряд изоглоссов **цивильско-мариинско-посадского говора** объединяет его с чебоксарским говором ВД: *кăла* «онучи», *хампар* «амбар», *çăпала* «ложка» и др. Собственно цивильско-мариинско-посадскими изоглоссами, например, можно считать: *кавин* «тыква», *йăрхах* «крюк на стене для вития веревок», *ёмпичче* ~ *ăмпăчи* «старший брат отца». Первичная тюркская форма ряда слов встречается на северо-востоке Чувашии, например, *енсе*, которая в чувашском развилась в *ёнсе* (затылок).

Малоцивильский говор расположен в бассейне р. Малый Цивиль и тянется широкой полосой от г. Цивильска до истока этой реки. Рядом характерных особенностей он объединяется с цивильско-мариинско-посадским говором: *вăлашка* «корытце» (в урмарском говоре *валашка*), *армути* «попынь», *акка* «старшая сестра отца» (в урмарском говоре *пысăк аппа* ~ *апай*). Некоторыми изоглоссами он образует единство с урмарским говором. В верховьях р. Малый Цивиль сконцентрированы особенности ВД, изоглоссы которых дают возможность выделить в рассматриваемом ареале вурнарский подговор, например, в интервокальной позиции ряда двусложных основ произносится глухой долгий согласный звук: *çăк-кăр* «хлеб».

Для урмарского говора характерны изоглоссы следующих явлений: губная гармония, проявляющаяся в огублении широкого гласного *а* второго и последующих слогов слова под влиянием лабиализованного гласного начального слога: *вăрмон* «лес», *пăрço* «горох», *хăмло* «хмель». Вопросительная частица, употребляемая с глаголами, имеет сингармоничный вид: *вулатна* (ср.: *вулатăн-и?*) «читаешь ли?», *ёçлетне* (ср.: *ёçлетĕн-и?*) «работаешь ли?». В урмарском говоре локализован островок древнего явления, заключающегося в употреблении звуковых комплексов *ăв*, *ёв* вместо монофтонгов *у*, *у:* *çăв* (ср.: *çу*) «масло». Ареал древнего образования *вил шывĕ* (роса — *шывăм*) также локализован в этом говоре.

Низовой диалект. В «Словаре чувашского языка» Н.И. Ашмарина представлено диалектное членение Буинского уезда Симбирской, Тетюшского и Цивильского уездов Казанской губерний, к примеру: 1) говоры

Буинского уезда (*хирти*); 2) говоры Буинского уезда (*анатри*). Под *анатри*, как уже отмечалось, Н.И. Ашмарин подразумевал средненизовых и северную подгруппу низовых.

А.С. Канюковой и Р.И. Цаплиной НД на более мелкие диалектные подразделения (говоры и подговоры) не делился. Л.П. Сергеев отмечал, что лингвогеографическое обследование говоров НД показывает не только однородную картину, но и пестроту, а в некоторых случаях даже хаотическое переплетение разных изоглосс. Здесь элементы низового типа перемежаются с элементами ВД, не образуя сплошных, однородных ареалов. Только диалектологический атлас чувашского языка может дать объективные, правильные границы диалектов и говоров, позволяет установить направление их развития, констатировал Л.П. Сергеев¹⁶⁴.

Процесс дифференциации, выравнивания некоторых диалектных признаков в говорах НД не завершился. Все элементы верхового типа были привнесены в прошлое (XVI—XVIII вв.) выходами с севера и северо-востока Чувашии. Некоторые примеры, имеющие диалектные расхождения, в НД не противопоставлены, они свойственны в целом всему ареалу. В НД мало внутридиалектных фонетических и грамматических соответствий, образующих сплошные, однородные зоны распространения. Поэтому выделение диалектных подразделений низшего ранга не представляется возможным. Диалектные явления здесь не образуют «пучков» изоглосс. Отсутствует четкая граница между НД и СД в виде характерных, массивных «пучков» изоглосс, которые обычно свойственны ВД. В низовом ареале «пучки» редкие или вовсе не выявлены¹⁶⁵. Здесь можно говорить только об отдельных островных подговорах, которые выделяются по мелким языковым особенностям на фоне общей картины низового диалекта. К таким ареальным единицам относятся подговоры: 1) янтиковский; 2) яльчикский; 3) ибресинский; 4) шемуршинский¹⁶⁶. Первые два подговора имеют ряд сходных изоглосс. В частности, их выделяет аффикс глаголов 3-го лица единственного числа настоящего времени *-m* (велярная разновидность): *вулат* «читает», *ларат* «сидит» и другие, что находит параллель в сундырском говоре ВД и считается одним из древних признаков¹⁶⁷.

Фонетика НД выглядит значительно бледнее, чем фонетика говоров ВД. Этот диалект характеризуется отсутствием оканья, здесь везде $*a^o > u$. Активные внутригрупповые контакты в низовой зоне в XVI—XIX вв. способствовали нивелировке первичных различий как в языке, так и в других областях культуры. Тем не менее определенные различия прослеживаются не только между подгруппами, но и в пределах одной подгруппы.

В степной зоне в районах интенсивных чувашско-татарских контактов развивалось татарско-чувашское и чувашско-татарское двуязычие. Автономное формирование диалектных особенностей характерно для низового диалекта юго-восточных чувашей вследствие интенсивных чуваш-

ско-татарских языковых контактов. В восточных районах Чувашии это привело к полной ассимиляции чувашей татарами (молькеевские кряшены, подберезинские татары-кряшены и др.), а в южных районах — к частичной ассимиляции татар-мишарей чувашами¹⁶⁸. Этот регион разделяют на два ареала или говора: западный (или дрожжановско-цильнинский) и восточный (или буинско-тетюшский) (по классификации Л.П. Сергеева и А.П. Долговой)¹⁶⁹. У этих говоров чувашского языка схожая историческая судьба. Складываясь в течение нескольких веков из говоров переселенцев с разных мест, к началу XX в. они приобрели самобытность, сохранив при этом отдельные черты материнских говоров.

Верховой диалект. В составе «окающих» говоров, согласно Н.И. Ашмарину, классифицируются части говоров Цивильского, Чебоксарского и Курмышского уездов и говоры Козьмодемьянского уезда¹⁷⁰. В Словаре чувашского языка диалектное членение им представлено говорами Козьмодемьянского и Ядринского уездов (*вирьял*), смешанными говорами Чебоксарского и Цивильского уездов и др.

Т.М. Матвеев, как и Н.И. Ашмарин, использовал поуездное членение, указывая границы подгрупп и говоров. В группе верховых (окающих) говоров им выделяются 4 говора: 1) козьмодемьянский; 2) краснотайско-атаевский; 3) акулево-алымкасинский (средне-чебоксарский); 4) центрально-ядринский. Границу козьмодемьянского говора он проводит по деревням Хыркасы, Ядринкасы, Анаткас-Киняры, Сыбайкасы (ныне Чебоксарский МО), Сендмир (к западу от с. Моргауши), далее по р. Моргаушке, Ижелькасы, Лебедкино (ныне Моргаушский МО), Вурманкас-Асламасы, Чебаково, далее по р. Суре (ныне Ядринский МО). В этом говоре им выделяется семь отличительных особенностей. В целом, деление верховой зоны на говоры по схеме Т.М. Матвеева совпадает с подгруппами *вирьял*, за исключением юго-восточной подгруппы, которую он отнес к СД. По оценке Л.П. Сергеева, с задачей группировки чувашских говоров и установления их примерных границ диалектолог Т.М. Матвеев справился успешно¹⁷¹.

Т.Я. Чуркиным предлагалось членение козьмодемьянского говора на ряд подговоров: северо-западный, северо-восточный и южный¹⁷². Классификация чувашских говоров, предложенная А.С. Канюковой, опирается на разделение по районам. Верховой диалект ею подразделен в соответствии с тремя подгруппами: 1) северо-западная (условно сундырско-моргаушский говор); 2) средняя (аликовско-красноармейско-чебоксарский говор); 3) юго-восточная (вурнарско-шумерлинский говор). Краснотайский говор она особо не выделяла, не объединяла в один говор аликовский и вурнарский подговоры¹⁷³.

По классификации Р.И. Цаплиной, в ВД были выделены 4 говора: 1) сундырско-моргаушский; 2) ядринско-краснотайский (он не был локализован А.С. Канюковой); 3) чебоксарско-ишлейский; 4) аликовско-вурнарский¹⁷⁴.

Вклад Л.П. Сергеева в диалектное членение чувашского языка основан на интерпретации данных лингвистической географии, т. е. расположения пучков различных изоглосс. ВД чувашского языка важнейшими пучками изоглосс им делится на пять говоров: а) сундырский; б) моргаушско-ядринский с двумя подговорами — моргаушским и ядринским. Сюда он относит ишлейский подговор; в) красночетайский (между реками Сура и Выла); г) чебоксарский; д) калининско-аликовский¹⁷⁵.

Л.П. Сергеев, в отличие от других, северо-западные говоры ВД локализовал более подробно, выделив в отдельные подразделения сундырский, ядринский, моргаушский. Кроме того, лингвогеографическое изучение сундырского говора позволило ему выделить в нем два подговора — сундырский и малокарачкинский (этот подговор изучал Н.И. Ашмарин). Как впервые показано О.А. Мудраком, исторически говоры крайнего северо-запада Чувашии отражали особый («северо-западный») диалект чувашского языка. Однако в последние века эти говоры были по большей части ассимилированы верховым диалектом, составив в нем отдельный субстратный слой¹⁷⁶. В частности, они представлены речью пожилых жителей с. Малое Карачкино Ядринского района (ныне МО)¹⁷⁷. Например, «Краткий катехизис» (1800) фиксирует данные северо-западного (сундырско-малокарачкинского) типа с их очень яркими особенностями. В частности, малокарачкинский подговор выделяется от сундырского и других говоров ВД следующими параметрами: а) наличием губного переднего ряда, соответствующего *ŷ* других говоров: *пõрт* «дом, изба»; б) звуковые комплексы *äва ~ ёве* в этом подговоре через ступень *оа, ое* превратились в долгий гласный: *чааш* (*чоаш < чäваш*) «чуваши»; в) очерчивается изоглоссами лексических явлений: *пёсек* «угол», *пашпи* «бабушка со стороны отца», *тёттё* «дедушка со стороны отца», *вилё карти* «кладбище», *кўпчёк* «подушка» и др.; следует особо подчеркнуть обилие марийских лексических проникновений; г) губной сингармонизм однородных кратких гласных *ä°, ё°* здесь отсутствует: вместо ожидаемого *тä°ххä°р* «девять» — *тäххäр*. Этнические и этнокультурные связи верховых сундырской подгруппы и горных марийцев привели к определенной унификации обрядовой культуры, а также языка¹⁷⁸. Как писал Н.И. Ашмарин, «тюрки (чуваши) утратили чистоту своего родного говора, приняв в свою среду чуждый элемент в лице финнов Поволжья»¹⁷⁹, при этом значительное изменение языка «на чувашских окраинах произошло <...> от смешанных браков»¹⁸⁰.

Красночетайский говор исследован В.И. Котлеевым, А.В. Савельевым и др. Г.И. Комиссаров отмечал, что ядром письменного чувашского языка в дояковлевский период был «курмышский, вернее, красночетайский» говор¹⁸¹. Именно он зафиксирован в «Сочинениях...», являющихся памятником письменности XVIII в.¹⁸² Красночетайский говор демонстрирует близость к верховому материалу Словаря Палласа. Центр письмен-

ной чувашской культуры в ранний период оказался в зоне распространения ВД и преимущественно его курмышско-красночетайского говора. Первый чувашский перевод Евангелия от Матфея отражает малоизученную стадию в истории чувашского языка и чувашской письменной культуры. Многие архаичные черты, представленные в нем, обнаруживают параллели в ранее исследованных старочувашских источниках XVIII—XIX вв. В основе конкретных памятников могли лежать разные говоры *вирьял*. Курмышско-красночетайские говоры, как подчеркивает А.В. Савельев, не образуют какой-то отдельный древний узел на дереве чувашских диалектов; наоборот, это довольно типовые говоры верховой группы. В целом, ситуация в «палласовских» говорах близка к современной¹⁸³. В курмышском говоре аффикс принадлежности 3-го лица в велярных основах всегда *-ы* (вместо *-и* литературного и др. говоров): *оры* «его нога», *лашы* «его конь». Формы с «сам» в косвенных падежах узколокализованы именно в красночетайском говоре¹⁸⁴. В части селений красночетайского говора распространен губной сингармонизм урмарского типа: *ва̋рмон* «лес», *ка̋моко* «печка». Центром произношения *ка̋мака* < *ка̋ма̋ка̋* считается д. Мижеркасы Красночетайского МО. Однако не имеется достаточного основания, чтобы говорить о мишарском следе происхождения этой деревни. В красночетайском и моргаушском говорах звук *ш* в некоторых словах чередуется со звуком *с*: *су* / *шу* (низов. *шыв*). Бытование диалектного *с* в чувашском языке представляет собой исторический пережиток. Место современного *ш* в древних тюркских памятниках последовательно занимало *с*: др.-тюрк. *сув* вода, чув. *шу*, *шыв*¹⁸⁵. В Нижнем Присурье, где размещались татарские укрепленные пункты на западной границе Казанского ханства, Н.И. Егоровым отмечается очаг татарских заимствований в северо-западных говорах верхового диалекта¹⁸⁶.

Красночетайский, сундырский и моргаушко-ядринский говоры объединяются изоглоссами следующих явлений: а) имена существительные на *а*, *е*, *у*, *ӳ* в притяжательном и дательном падежах перед аффиксами *-ӓн* (*-ӓн*), *-а* принимают вставочный звук *-й-*: *лаша-й-ӓн*, *лаша-й-а*; деепричастия на *-са* (*-се*) употребляются в роли простого сказуемого: *эп сырса* «я писал, я написал»; звуковые комплексы *ыв*, *ывӓ*, *ӓв*, *ӓвӓ*, восходящие к общетюркским *аг*, *ог*, *уг*, развились в монофтонг *у*: *шу* (вместо лит. *шыв*) «вода».

Южная и юго-восточная границы ВД (калининско-аликовский говор) Л.П. Сергеевым определены пучками изоглосс, идущих извилистой линией с северо-востока на юго-запад. Уканье в этом говоре, по его мнению, неизначально, оно относится к явлениям вторичным: переход *о* > *у* произошел в ходе интенсивных междиалектных контактов. По ряду черт рассматриваемый говор связан с другими говорами ВД. Так, например, говор объединяется с сундырским, моргаушко-ядринским, красночетайским говорами одной характерной особенностью — здесь в интер-

вокальной позиции ряда двусложных основ произносится глухой долгий согласный звук: *туттӑр* «платок». К этому же ареалу относятся изоглоссы таких явлений, как *хусамӑр* «вы сами», *анай* «мать». Калининско-аликовскому говору в целом присущи многие особенности ВД, за исключением оканья.

Если не считать чебоксарский говор, то в остальном говоры ВД, по мнению Л.П. Сергеева, примерно совпадают с подгруппами верховых. Чебоксарский говор окающий, однако отличается от других говоров ВД рядом следующих признаков: а) в интервокальном положении согласные не геминируются, вместо ожидаемого *коккӑль*, *тоттӑр* здесь распространены формы с озвонченными консонантами: *кокӑль* «пирог», *тотӑр* «платок» и т. д.; б) не наблюдается выпадение согласных *в*, *л*, столь характерное для остальных говоров ВД, здесь произносятся *вӗлтрен* «крапива», *полтран* «борщевик», *тавлаш* «спорить» и др.; в) аффикс множественного числа имен существительных — *-сем*: *сынсем* «люди». Чебоксарский говор объединяет с сундырским произношение глаголов настоящего времени 1-го лица единственного числа (в отрицательной форме): *эп кайман* «я не пойду», *пӗлмен* «не знаю». Ряд изоглоссов объединяет чебоксарский говор с калининско-аликовским: *автан* «петух» (ср.: в других говорах ВД *атан*) либо с краснотайским и калининско-аликовским. Л.П. Сергеев делает заключение, что верховой (окающий) диалект чувашского языка в первой половине XX в. представлял собой результат смешения различных языковых стихий, при этом основа была тюркская¹⁸⁷. Первый поток носителей ВД являлся окающим.

Многие характерные различительные признаки говоров появились позднее в соответствии с периодами развития языка. В формировании диалектных подразделений чувашского языка сыграли свою роль различные лингвистические и экстралингвистические факторы, например, административно-территориальные границы, естественные географические границы, экономические и административные центры, локальные центры в лице базаров, волостных правлений, церковных приходов и др.¹⁸⁸

Для переходных подгрупп характерен островной характер употребления «о» или «у» (цивильско-мариинско-посадский говор), сохранение архаических явлений (сундырская, козловская подгруппы). Языковеды указывают на вероятную перестройку диалектной карты чувашского языка за период, прошедший со времени создания памятников письменности. В частности, в вурнарском говоре первой половины XIX в. были представлены как черты северо-западного и курмышского говоров (говор северо-западного типа), так и черты, приближенные к среднечувашскому («среднеизовому») образцу. Черты первого преобладали, позднее «среднеизовые» черты в вурнарском говоре одержат верх, хотя сохраняются остальные некоторые особенности чувашских говоров северо-западного типа¹⁸⁹.

Свою особенность имеют этнографические диалектизмы, они обозначают предметы, распространенные лишь на определенной территории. Они, к примеру, характерны для одежды, жилища, пищи, обрядов¹⁹⁰.

Важным признаком консолидации этнографических подразделений стал книжный язык, который оценивается как конгломерат всех диалектов во всех отношениях, и он отошел от своего прежнего типа, исходного диалекта. К началу XX в. дифференцирующие признаки говоров и диалектов чувашского языка на основной территории проживания народа уже стабилизировались.

3.2. Особенности формирования комплексов чувашского костюма

Традиционный костюм всех трех ЭГ чувашей в XVIII—XIX вв. был един в своих основных формах, декоре и терминологии¹⁹¹. В то же время отличия в одежде во второй половине XIX в. стали разительными у верховой чувашки северо-западной подгруппы и низовой чувашки *хирти*. В конце XIX — начале XX в. по одеянию они, на первый взгляд, казались представителями разных народов. Различия в их костюме объяснялись тем, что у верховых костюм сложился на основе взаимодействия с горными марийцами, у низовых под влиянием татар усилились тюркские признаки. В этой связи Г.И. Комиссаровым акцентировалось внимание на постепенном переходе от одного типа костюма к другому, наличии смежных признаков при определении границ между подгруппами ЭГ¹⁹².

Этнограф Н.И. Гаген-Торн изучала чувашский костюм в связи с проблемами исследования этногенеза и формирования ЭГ. Она тщательно картографировала элементы одежды и украшений, выявленные ею в экспедициях по районам Чувашии, сравнивала их с чувашскими костюмами XVIII—XIX вв., хранящимися в Государственном музее этнографии. Ею был сделан вывод о том, что женский традиционный наряд немногим изменился со времен П.С. Палласа, сохранив следы глубокой древности. При этом наиболее старинные элементы содержались в костюме *анат енчи*. Н.И. Гаген-Торн впервые проследила трансформацию чувашского костюма у всех трех ЭГ.

Средненизовые чувашки. Исследователи чувашского костюма отмечают, что старинный по покрою тип рубахи был сходен во всех ЭГ и был распространен на большей части территории их расселения вплоть до середины XIX в. Эволюция женских рубах средненизовых и верховых чувашей прослеживается Н.И. Захаровой-Кульевой¹⁹³. Концом XVIII в. датируются рубахи с тремя парами розеток *кёскёллё кёне*, в первой четверти XIX в. вместо них вышивали уже по две пары «звезд». Они присутствовали в декоре подгрупп *анат енчи* даже до 30-х гг. XX в. Женскую рубаху этой группы соответственно относили «к гораздо более древним временам»¹⁹⁴. Рубаха у всех подгрупп *анат енчи* и *анатри* изготовлялась со скошенными боковыми клиньями (тип 1), в отличие от рубашки верховых с прямыми боковыми полотнищами (тип 2). До середины XIX в. в обеих зонах бытовал первый вариант — цельный туникообразный остов.

В **северо-западной подгруппе** рубаха имела ряд вариантов по декору, в том числе вышитые нагрудные розетки, двухпарные были вытеснены одинарными. Способ ношения головного платка *сурпан* сближался со средней и юго-восточной подгруппами *вирьял*. Аналогия имелась у центральной подгруппы *анат енчи*. Здесь, как и в средней подгруппе верховых, а также в районе с. Орауши, была представлена вышитая налобно-теменная повязка *масмак* 1-го типа (укладка по темени). Платок *пущ тут-ри*, характерный для двух других подгрупп, отсутствовал¹⁹⁵. По данным информантов д. Нижний Магазь Чебоксарского МО, в прошлом *масмак* был *вирьяльского* типа, однако жители не идентифицируют себя с *вирьялами*¹⁹⁶. У луговых мариек *нашмак* размерами и способом повязывания (закрывал затылок) был близок к *масмаку* этой подгруппы *анат енчи*.

Хушту цилиндрической формы на кожаной основе высотой до 20 см (тип 2) бытовал у всех подгрупп *анат енчи* и северной части *анатри*. Эта форма головного убора замужней женщины признается наиболее древним типом, в прошлом была представлена и у *вирьял*. Предполагают, что время возникновения данного типа *хушту* относится к более раннему периоду (не позже XV в.)¹⁹⁷. Ушные украшения *хълха тенки* были такими же, как и в других подгруппах *анат енчи* и *вирьял*. Шейно-нагрудное украшение *ама*, в отличие от верховых, имело ограниченное распространение. Оно имеет сходство с подобным украшением марийцев. Нагрудники *сурпан сакки* были похожими у всех четырех подгрупп *вирьял* (см. ниже) и двух подгрупп *анат енчи*.

Рубахи в **центральной подгруппе**, как у всех *анат енчи*, обшивались лентой кумача или крашенины, в том числе швы, подол, рукава; на груди и плечах вышивались розетки *кёскё* и *хултърмач*. Затем во всех подгруппах распространяется рубаха с нашивками на пестряди *нуштёр*¹⁹⁸. В межцивильской подгруппе дольше бытовал более ранний, так называемый «ораушский» вариант декора — это сплошная вышивка нагрудной части¹⁹⁹. В то же время Г.И. Комиссаров видел в Ораушах костюмы «и *анат енчи* (большинство), и *анатри*, и *вирьялки*, и *полувирьялки*»²⁰⁰.

Сурпан подгруппы являлся верхово-средненизовым и был сходен с юго-восточной подгруппой верховых. Повязка *масмак* подгруппы отличалась от *сурпана* верховых размерами. *Хушту* в виде невысокого кожного цилиндра функционировал в кошлаушско-ачакском кусте *анат енчи* и у верховых юго-восточной подгруппы *вирьял*²⁰¹, однако в целом у *анат енчи* бытовал *хушту* формы усеченного конуса или цилиндра²⁰². Были представлены шейно-нагрудное украшение *хёрес кантри* (гайтан для креста), поясные украшения *сарй*, которые носились сзади. В переходной зоне между группами местами фиксировался вариант, когда при сходстве говоров между деревнями имелись различия в костюме. К примеру, в Атыкове Канашского МО функционирует *хушту* и отсутствует *масмак*, в соседней деревне Малды-Питикасы — наоборот²⁰³.

В **козловской подгруппе** были характерны рубахи с вышивкой оди-
нарных либо двойных розеток *кёскё* и продольной вышивкой на рукавах
и вдоль швов, как и в северной и степной подгруппах низовых чувашей. Со
второй половины XIX в. распространяются рубахи с нашивками *пўштёр*
на пестряди²⁰⁴. Встречались два типа ношения сурпана: более древний
(сурпан закрывал полголовы) и более поздний (сурпан перекидывали через
голову). Головное полотенце *пұс тутри* одинаковое с центральной под-
группой. *Масмак* иного варианта — в виде налобной повязки, его можно
признать более древним, вышивка на нем располагалась по центру в фор-
ме трапеции. В отличие от *вирьял* и кошлаушско-ачакского куста, на боль-
шей части *анат енчи* голова замужней женщины полностью закрывалась
сурпаном и масмаком на лбу. Убор *нашмак* в звенигово-моркинском
комплексе костюма части луговых марийцев (так называемый *шарпанан-
нашмакан мари*) во многом совпадал с масмаком козловской подгруппы.
Такой *масмак* напоминал также налобную повязку *хараус* башкир и
йыркорттет удмуртов²⁰⁵.

В восточной подгруппе, как и в средней, носили головную повязку
чалма в виде ромба либо треугольника. Чалма у верховых, вероятно, была
вытеснена. Нагрудное украшение *сурпан сакки* трапецевидной формы,
характерное для козловской подгруппы, считается более древним вари-
антом. У *анат енчи* была представлена наиболее традиционная форма
чересплечного украшения *тевет*.

Таким образом, следует отметить, что комплексы аниш-цивильской
(центральной) и козловско-урмарской подгрупп являются вариантами
собственно средненизового комплекса, а первый, северо-западный, име-
ет не малые сходства с костюмом соседних (средней подгруппы) *вирьял*²⁰⁶.
В костюме сохранились архаичные формы орнамента рубахи. Для всех
подгрупп были характерны рубахи с розетками, представленные также в
аликовско-нурсовском костюме *вирьял*. В XVIII в. такие рубахи занима-
ли обширную территорию, включая подгруппы верховых.

Верховые чуваш. Женская рубаха XVIII — первой четверти XIX в.
по покрою, материалу белой основы холста, как считает Н.И. Захарова-
Кульева, была близкой к средненизовой нательной одежде, однако по
декоративному оформлению была скромнее²⁰⁷. Мелкие швы от груди до
лопаток известны под названием *холси кайк*. У *вирьял* выявлены вари-
анты рубах с погонообразными вышитыми орнаментами, встречаемые у
удмуртов-бесермян. Старинная рубашка и в целом костюм в этой группе
впоследствии были вытеснены другим комплексом одежды, который
можно называть вирьяльско-горномарийским. Рубашка верховых чувашей
дифференцируется со второй половины XIX в. Завершение процесса
формирования нового костюмного комплекса констатировал С.М. Михай-
лов, полагавший, что «здешние чуваше впоследствии переняли костюм
от черемис..., однако у иных и поныне хранятся старинные наряды

[вышитая рубашка, *хушту*, *тухья*], такие, какие употреблялись у низовых чуваш»²⁰⁸. Марийским заимствованием считается *шопър ~ шупър* (верхняя летняя одежда) *вирьял* и части *анат енчи*.

В северо-западной (сундырской) подгруппе с середины XIX в. бытовала рубаха с прямыми боковыми полотнищами. По крою она имеет сходство с рубахой средней подгруппы *вирьял*. Ее носили с сильным напуском *лакă* над поясом, что является финно-угорским признаком ношения рубахи. С севера на юг расселения *вирьял* напуск рубашки уменьшался²⁰⁹. Характерными для рубах являлись вышитые полосы, пришиваемые по плечевым вертикальным швам от лопаток до груди. Наплечники *холси* были одним из ярких отличий горномарийской и чувашско-вирьяльской рубашки с середины XIX, особенно конца XIX и начала XX в. Особенностью рубашки было также отсутствие вышивки в нагрудной части и на рукавах: изменения в покрое рубашки произошли примерно в I четверти XIX в.²¹⁰ Рубашка завязывалась в три пояса.

Сурпан обтягивал шею ниже ушей и прикалывался к концам длинного масмака, расположенного по середине головы, украшался полосами вышивки из мелких узоров и бахромой и был сходен с сурпаном средней подгруппы *вирьял* и с шарпаном горных марийцев. В XVIII в. оформились диалектные вариации ношения сурпана²¹¹. Сходный способ ношения шарпана и нашмака встречался у горных мари, по мнению Н.И. Гаген-Торн, он был заимствован от верховых чувашей²¹².

У чувашей северо-западной подгруппы *хушту*, как и девичья *тухья*, были зафиксированы в письменных источниках XVII в. Здесь существовал тип *хушту* на мягкой основе в форме незамкнутого усеченного конуса высотой от 5 до 10 см. Под влиянием чувашей *ошту* (от чув. *хушту*) восприняли горные марийки²¹³. Подобный убор встречается среди марийцев обеих групп (*ошту*), а также бесермян (*кашту*), башкир (*кашмау*) и мишарей (*кашпау*). Нагрудные украшения *сурпан сакки* и *шўлкеме* восходят к шумящим подвескам, представленным у мордвы-мокши и горных марийцев²¹⁴. Последние носили аналогичное двойное украшение *ширкама*. Подвеска к поясу *енчѣк*, поясные набедренные украшения *сарă*, *хўре* и *яркăч* характерны для всех подгрупп *вирьял*.

Комплекс одежды сундырской подгруппы и горных мари к середине XIX в. заметно отличался как от общечувашского, так и марийского, являясь их своеобразным сочетанием. Такое единообразие костюма создалось в результате тесного взаимодействия, точнее, совместного творчества представителей двух народов в течение продолжительного времени.

В средней подгруппе в середине XIX в. покроем рубахи был в большей степени идентичен нательной одежде средненизовых со скошенными клиньями. В более ранний период в рубашке северо-западной и средней подгрупп, в частности в Тораевской волости Ядринского уезда, зафиксированы нагрудные розетки *кѣскѣ* и наплечный орнамент *хулăтăрмач*²¹⁵.

Рубахи с узкой вышивкой вокруг грудного выреза и наплечниками *холси* начинают распространяться к середине XIX в. Они длинные и широкие, с минимальной вышивкой. Боковые детали у этих рубаш составляли прямые полотнища. Три разных типа сурпана встречались по способу ношения, например, в том числе верхово-средненизового типа²¹⁶. В восточной части подгруппы замужние женщины носили чалму, как и *анат енчи*. *Хушпу* цилиндрической формы на твердой (кожаной) основе высотой до 10 см был распространенным. Шейно-матерчатое украшение *суха* представляло собой вариант, общий с юго-восточной и козловской подгруппами *анат енчи*, в других подгруппах *вирыял* он отсутствовал. Вариант *тенкёллэ суха* (ожерелье с монетами) имеет сходство с северо-западной и краснотайской подгруппами, а также выявлен у низовых чувашей *хирти* в Присвияжье. Шейно-нагрудные украшения *ама* второго типа и цепь *чепчушка* имели прямые аналогии в костюме горных марийцев. Украшения из латунных трубок одинарные *йёс хуре* также аналогичны марийским *унинем* (известно не позднее XI в.). Возможно, чуваша заимствовали его у марийцев.

В составе средней подгруппы выделяется аликовский вариант костюма, имеющий сходства с *анат енчи* по ряду элементов.

Курмышская (краснотайская) подгруппа в XVII—XVIII вв. по костюмам была близка к средненизовой традиции, о чем можно судить по одежде переселенцев на восток — в Заволжье и юг — Приволжье. В то же время здесь бытовали имеющие аналоги у марийцев височная подвеска *пух йётти*, поясная подвеска *хуре* из латунных трубок и др.²¹⁷

Рубаха по крою имела сходство с юго-восточной подгруппой, наплечники были длиннее, расцветка сдержаннее (узкая вышивка *холча каййак*), подол оформлялся широкой вышивкой и кружевом, нагрудная часть — съемной полосой вышивки. В южной части, как и у юго-восточной подгруппы, бытовали сурпаны, сходные по способу повязывания тастаров касимовских татар и мишарей Темниковского уезда²¹⁸.

У курмышских чувашей преобладала *ама* в виде прямоугольника, встречалась также кольцевидная *ама* с монетами, как и в средней и юго-восточной подгруппах *вирыял* и подгруппах *анат енчи*. Наспинное украшение *пух хысё* (кожаный полуoval) было пышным. Общими с другими подгруппами являлись *тевет*, набедренники *чалма* или *хуре*, подвески *сарй* и *яркйч*.

В костюме чувашей **юго-восточной подгруппы** традиционные чувашские элементы сохранились лучше, чем в костюме первых двух подгрупп. Рубаха, сходная по крою с краснотайской, орнаментировалась широкой полосой вышивки вокруг грудного разреза, как и у центральной части *анат енчи* и северной подгруппы *анатри*. Рубахи с парными нагрудными узорами *кёскё* и наплечным *хултърмач* в XIX в. были распространены не только среди средненизовых чувашей, но и в центральных волостях Чувашии, т. е. в средней и юго-восточной подгруппах верховых.

С середины XIX в. во всех подгруппах верховых чувашей стали шить однотипные упрощенные, с минимальной вышивкой рубахи, боковые детали которых составляли прямые полотнища, неизменными оставались наплечники *холси каййк*²¹⁹. Грудной вырез оформлялся без вышивки, делали пышные рукава, подол начинали украшать растительным орнаментом, эта рубаха сближалась с краснотетайской.

Различия в способе ношения сурпана, масмака существовали почти у каждой деревни. Это положение свидетельствовало о переходном характере костюма данной подгруппы. *Сурпан* закреплялся на затылке, имелись сходства по ношению с центральными *анат енчи*, по способу повязывания также с тастарами касимовских татар и мишарей Темниковского уезда²²⁰. *Масмак* имел сходства с северной подгруппой *анат енчи*, откуда принесли его переселенцы. *Хушпу* был на твердой и низкой основе, как у соседней части *анат енчи*. В течение XIX в. *хушпу* верховых трансформировался по форме — от низкого цилиндра до налобной повязки вокруг головы, обшитой монетами, надеваемой свахами на свадьбе²²¹.

Таким образом, существенная трансформация традиционной культуры верховых чувашей и формирование вирьяльских комплексов произошли в течение второй половины XVIII — первой половины XIX в. Мигранты были носителями традиции, близкой к комплексу костюма *анат енчи*. С середины XIX в. четко выделились рубаха *вирьял* и костюм в целом. Например, вертикальные красные тесьмы укоротились и превратились в наплечники *холси*, орнамент *хултӓрмач* исчез с рубах верховых чувашей к последней четверти XIX в. Первичные признаки этой традиции более сохранились в южной части (подгруппе) верховой зоны, а в северо-западной части прослеживалось значительное сходство с горными мари. У верховых чувашей сохранились также параллели с татарами-мишарями.

Низовые чуваш. Неоднородность костюмных комплексов наблюдалась не только внутри группы, но и подгрупп. Небольшие изменения плавно «переходят» от селения к селению, т. е. проведение резких границ затруднительно²²². Костюмы *анатри* в целом ближе к средненизовому по крою рубах, структуре *сурпанов*, типам *хушпу* и украшений. В подгруппах *анатри* по форме, размерам, материалу, принципам декора варьировали особенности *хушпу*. По ряду критериев наблюдается типологическое сходство с украшениями верхового комплекса. Большое количество подобных сходств присутствует в костюме подлесных *анатри* (цильнинский подкомплекс).

В северной подгруппе *анатри* до середины XIX в. старинные типы рубашек не отличались от *анат енчи*. К началу XX в. по мере упрощения вышивки остаются лишь одинарные розетки на груди и узор *хултӓрмач*. На смену туникообразной рубахе пришла пестрядинная рубашка *улача кӗне*.

Во всех подгруппах бытовал *сурпан* одного типа с полихромным оформлением концов. Способ ношения *сурпана* также общий — это сред-

ненизово-низовой тип. *Сурпан* перекидывали через голову, *масмак* отсутствовал, головной платок *пуç тутри* бытовал только в северной подгруппе. *Хушпу* в форме усеченного конуса был наиболее распространенным в подгруппе. Шейные украшения изготавливали в виде воротников, как и у *хирти*. В с. Новое Чурашево (Ибресинский МО) и янтиковском кусте деревень Цивильского уезда в комплект девичьих украшений входило *касите* (разновидность *тевет*)²²³. Убор имеет аналогии с *дэвэт* и *хэсите* казанских татар²²⁴. В Хормалинской волости костюм отражал связи с одеждой подлесной подгруппы: шлемовидное *хушпу*, нагрудник *ум сакки*, *алка*.

Свои отличия прослеживались в западном и восточном ареалах в **степной подгруппе**. Три варианта рубахи — древний (до середины XIX в.), укороченный с подолом (так называемая чувашская рубашка), — «татарский» с отрезным ниже талии остоном, широким подолом — отражают этапы ее развития. Розетки во второй половине XIX в. были заменены нашивками *сунтӑх*, вышивка на подоле вытеснялась оборкой²²⁵. М.С. Спиридонов отмечал, что со стороны Яльчиков начинается распространяться пестрядь *улача*, самоткань из разных крашенных ниток²²⁶. К концу XIX в. этот процесс охватил и другие подгруппы — подлесную и северную.

Заметно выделялась узорная часть конца *сурпана* с полихромным оформлением. Полное сходство наблюдается между *сурпанами* низовых и тастарами молькеевских крышен²²⁷, сходство в композиции декора конца — с тастарами мишарей²²⁸. Преобладали *хушпу* с суженным кверху конусом, в Присвияжье бытовали также полусферические *хушпу*. В комплексе с навершием представлено *хушпу* у *хирти*, в комбинации с налобником (козырьком) встречается в подлесной подгруппе. Время возникновения этих вариантов предполагается следующее: первый — не позже XVI — начала XVII в., второй — не позже XVII в.²²⁹

На юге степной подгруппы выделялось подбородочное украшение *сухал*, или *сӑрха сакки*, имеющее аналогии в костюме крышен и марийцев, а шейное ожерелье *мӑй сыххи* с *тамакса* или *муенса* у казанских татар и крышен Закамья и Приуралья. *Тенкӗллӗ суха* бытовало в Присвияжье и у *вирьял*. Нагрудное украшение треугольной формы из кожи было распространено у *хирти* более, чем четырехугольной. В низовьях Свияги бытовал треугольный выступ нагрудника *сесӗтенкӗ*, как и в подгруппах *анат енчи*. Перевязь *тевет* часть степных называла *хасите*. Поясные украшения *сарӑ*, *яркӑч* были распространены повсеместно, но формы бытования и пути развития были разными. Чувашки подгруппы *хирти* в некоторых местностях заимствовали от татар белый длинный вязаный колпак, надеваемый на *хушпу*²³⁰.

В **подлесной подгруппе** в XVIII — первой половине XIX в. бытовали сходные с *анат енчи* рубахи по крою и декору. Пестрядинные рубахи с оборками были восприняты от степной подгруппы. *Сурпан* с полихромным оформлением концов был общим. Платки *пуç тутри* и *масмаки* были ограниченны или отсутствовали. *Хушпу* подлесной подгруппы особого

типа — полусферическое с отверстием наверху. Такой убор оказал определенное влияние на *хирти*. У подлесных *анатри* в верховьях рек Большая и Малая Цильна и Бездна был распространен высокий убор *хушпу*²³¹. *Каипау* у мишарей Пензенского уезда соответствовал *хушпу* подлесных *анатри*²³². Украшение *сърха* с трапециевидной нагрудной частью и металлическим треугольником типа *сестенкё* сохранило первоначальную основу (материал, декор) более, чем в верховой зоне. Прямоугольные нагрудники подгруппы называли *ум сакки* или *алка*. В последние десятилетия мастера начали изготавливать *масмак* верховых чувашей²³³.

В подлесной подгруппе выделяется «шешмуршинский» комплекс. Матерчатые нагрудники в Тимерсянской волости связаны с *ама* верховых чувашей. Аналогичные украшения имелись у мишарей. Цильнинская часть подлесной подгруппы имела отличительные признаки в покрое рубахи и украшениях.

Таким образом, на позднем этапе в ареалах расселения *анатри*, а также западной и южной частях *анат енчи* в качестве основной тенденции эволюции костюма прослеживалось распространение пестрядинных рубах *кёпе* ряда вариантов: *кўнчёклё*, *сунтăхлă*, *пўитёрлĕ*. Появление пестряди среди низовых чувашей внесло изменение во весь костюмный комплекс. К началу XX в. полностью исчезли вышивка и продольные красные нашивки, изменился традиционный крой одежды, перестали носить поясные подвески. В этот период противопоставление по одежде проявлялось практически повсеместно в пограничье групп и подгрупп. Во второй половине XX в. подобные дифференциации «мы — они» по одежде или говору практически вытеснились.

3.3. Общее и особенное в типологии свадебных обрядов

В XIX в. у всех групп чувашей господствовал патрилокальный брак. Повсеместно основное свадебное торжество было представлено на стороне жениха (т. е. вирилокальная брачная обрядность), а родственников невесты *сёнь хăта* приглашали через определенное время. Диалектный характер имел сценарий свадьбы: наличие или отсутствия гостевания брачующихся у своих родственников, маршрут поезда жениха (следование сразу к невесте либо к посреднику — сватуну *евчĕ*), местонахождение невесты к приезду жениха и другие элементы брачной обрядности. Дополнительным признаком для локализации брака служило место проведения обряда *вăй килли уйăрни* (букв. «раздел дома игриш»), вывод невесты в дом причитаний *хёр йĕрмелли кил*. Институт посаженного отца *хăйматăх* и данный обряд могут свидетельствовать о существовании дислокального брака. Более ранней формой празднования свадьбы было, вероятно, гостевание на стороне невесты. Обычай гостевания поезжан жениха у невесты указывает на бытование в прошлом матрилокального брака²³⁴.

В свадьбе **средненизовых чувашей** междуречья Аниша и Уты доминировал ускорилокальный тип с брачными действиями: проведение основного торжества у невесты, место проведения постельного обряда у жениха, переодевание — у невесты или у жениха. По сценарию преобладала схема, при которой поезд невесты гостевал у своих родственников в течение недели; две свадьбы проводили у родственников невесты торжества, откуда мужская свадьба с невестой возвращалась к родителям жениха. Сочетались традиции и верховых, и низовых чувашей: устройство свадебного места *шырлак*, плач невесты, хождение молодой за водой, приготовление супа молодой, снятие покрывала. Роль посаженных родителей в целом не характерна для свадьбы *анат енчи*²³⁵, за исключением северо-западной подгруппы, свадебный обряд которой в литературе мало изучен²³⁶. В основных чертах он прослежен в работе «Чуваши Казанского Заволжья» Г.И. Комиссарова (на примере с. Богатырево)²³⁷. В 2024 г. по этой подгруппе нами был собран полевой материал²³⁸, который показал, что регламент традиционной свадьбы в целом соблюдался до последнего времени.

В начале XX в. в подгруппе зафиксированы персонажи: глава свадьбы *туй пусё*, посаженные родители *хайматлăх*, старший и младший дружки *мăн кёрӳ* / *кёсён кёрӳ*. В течение века последние два персонажа стали не актуальны, сохранившись лишь частично. Функция сакральной защиты свадьбы, которую осуществлял старший дружка, уменьшалась в поздней традиции, особенно под влиянием христианства, она передавалась главе свадьбы *туй пусё* и посаженному отцу *хайматлăх*. Зафиксировано совмещение персонажей главы свадьбы и старшего дружки *туй пусё* / *мăн кёрӳ* (д. Синьялы Чебоксарского МО) либо сохраняется персонаж *мăн кёрӳ арăмё* жена старшего дружки (д. Шинерпоси того же МО). Местами представлен персонаж младшего дружки *кёсён кёрӳ*²³⁹. Посаженные родители *хайматлăх ашшĕ-амăшĕ* сопровождают молодых, опекают невесту в течение свадьбы.

В середине XIX в. жених надевал поддевку и подпоясывался красным кушаком, его одевание включало ряд элементов женских украшений, например, свадебный платок *кёрӳ тутри*, ожерелье *мăй сыххи*²⁴⁰. Костюм свах продолжал функционировать до последнего времени, в том числе головные уборы (*сурпан*, *масмак*, *хушпу*) и нагрудные украшения (*хёрес сакки* или *сурпан сакки*)²⁴¹. Свахи носили свадебный платок на пояснице по традиции *вирьял*, хотя ранее, как и в других подгруппах, он являлся наплечным²⁴². Персонажи *туй пусё*, *кёсён кёрӳ*, *туй (пуса) каччисем* в поздней традиции также продолжали повязывать украшенный фартук *чăшти саппун*. В амбаре невесту окручивали в *сурпан* и *хушпу* *мăн кёрӳ арăмё* либо *хайматлăх амăшĕ*.

Во дворе и у невесты, и у жениха для проведения свадебного торжества сооружалось специальное место *шилĕк*, *шырлак*. Мужской поезд за невестой отправлялся вечером или ночью²⁴³, обряды *йёрки-арки* у невесты за-

вершались к рассвету. Невесту выводили с восходом солнца и на позднем этапе. Первую часть свадебного обряда, совершаемого в избе, называли *йёрке тунн*. В приветственной речи *такмак* переплетались рудименты старинного текста с новыми формами. Совершался обмен гостинцами, характерный для большинства традиций во всех этнографических группах.

Поезд встречали у ворот дома невесты, жениху под ноги стелили холст (на позднем этапе — ковер или шубу), клали деньги. К приезду жениха невеста находилась в амбаре²⁴⁴. Глава свадьбы и жених наряженную в женский костюм невесту приводили в избу для получения благословения *халал*, *халав* от родителей и старших родственников невесты и раздачи подарков. Невеста под покрывалом причитала (*хёр йёрнё*) перед родителями и родственниками при выводе из дома, а также по прибытии к жениху. Ее увозили верхом либо в экипаже (тарантас, кибитка). Поезд выезжал в «засеянное хлебом поле»²⁴⁵. В пути заезжали к родственникам жениха (*туй ўкерни*).

В свадебные действия в доме жениха включались принесение невестой подарков для дома, обход новых сватов домов родственников жениха. На второй день совершалось хождение снохи *сёнь кин* за водой. Послесвадебными обрядами являются *тавърми* (визит к родителям невесты), пир в честь новых сватов *сёнь хата ёски*. Плач невесты, коленопреклонение, запрет наступать на землю при выводе невесты и встрече у жениха и ряд других традиционных действий сохранялись до 1970—1980-х гг.

В центральной подгруппе *анат енчи* на позднем этапе основными свадебными персонажами являлись глава свадьбы *туй нус*, младший дружка *кёсён кёрў*, музыкант. Персонаж старшего дружки *ман кёрў* на свадьбе отсутствует, данным термином обозначали верховых парней из окружения жениха. Посажённые родители не характерны для свадебных персонажей данной подгруппы. Со стороны невесты в качестве ведущего представлен персонаж *нуса каччи*, заводивший песни-пляски. Знаками отличия свадебных чинов служили длинные полотенца, завязываемые главой свадьбы, младшим дружкой и музыкантом. Присутствует жанр *туй нус такмакё* — приветственная речь главы поезда, с которой глава поезда обращается у ворот перед родителями невесты. Плач невесты *хёр йёрри* на свадьбе был изжит в 1950-е гг. Поезд жениха у ворот родители невесты встречали с хлебом-солью, выкуп ворот не производился. Перед женихом стелили кошму, бросали деньги. На свадьбу продолжительное время надевали старинный свадебный комплекс одежды.

Существовала традиция сооружения одного или двух «свадебных домов» *шырляк* для свадеб невесты и жениха на улице либо во дворе. Здесь начиналась свадьба невесты, где собирались подружки, причитала невеста. *Шырляк* как место для торжественного проведения свадьбы, приема и угощения поезжан жениха является устойчивой традицией и на совре-

менной свадьбе. Поезд жениха прибывал к невесте, не заезжая в дом посредника (сватуна), и в тот же день увозил ее (в кибитке, либо верхом на лошади, либо на тарантасе). Невесту после возвращения с обхода родственников в клету передевали (*матка туну*) в *хушпу* и *сурпан*. Более ранним, вероятно, был вариант, когда невесту выводили из клету дружки *мӑн кӗрӳ* с женихом.

В доме жениха покрывало невесты снимал родственник (мальчик, подросток) палкой-развилкой. В конце XIX — начале XX в. обряд снятия покрывала более полно сохранялся в этой и козловской подгруппах. После благословения молодых в доме жениха следовал обряд брачной постели. *Салам калаттарни* — следующий свадебный обряд с целью приобщения, сближения, *салам пани* — раздача подарков молодой родственникам мужа²⁴⁶. В послесвадебном обряде *сӗнӗ хӑта* новые сватья поют свадебные песни (так называемые *мӑн кӗрӳ юрри*) в честь нового зятя, которого величали *мӑн кӗрӳ*²⁴⁷.

В **козловско-урмарской подгруппе** поезд жениха сразу выезжал к родителям невесты, где после приветственной речи главы свадьбы начиналось музыкальное действие. Здесь отсутствовали свадебное место *шыр-лӑк* и персонаж посаженного отца. Обрядами в доме жениха являлись хождение за водой в сопровождении свахи или йомзи для чтения молитвы и жертвоприношения, приготовление салмы невестой. Для снятия покрывала использовалась яблоневая веточка с тремя сучками, на которые нанизывалось по одной салме. Исполнитель обряда — мальчик, с пляской подходивший к молодой, предлагая ей вкусить салму. Снятое веткой покрывало он уносил в клету. Затем следовали угощение пивом участников свадьбы молодых, брачная постель²⁴⁸.

Таким образом, свадьба северо-западной и центральной подгрупп *анат енчи* была уксорилокальной: главные обрядовые действия проходили в локусе невесты. Такой тип был представлен и в подгруппе *хирти* низовых чувашей, переселившихся из средненизовой зоны. Гостевание имело место только в свадьбе невесты у своих родственников. Из родительского дома поезд жениха следовал к невесте. К приезду жениха невеста продолжала совершать объезд домов родственников. Данный тип свадьбы доминировал в **центральной** и **козловско-урмарской подгруппах**.

В подгруппах **верховой зоны** досвадебный комплекс мероприятий состоял из трех обрядов: *евчӗ яни* — визита сватуна, *сураçу* — сватовства, *пӑлча* (*пӑлча*) или *кӑмӑлча*²⁴⁹. Сокращение предсвадебных обрядов и церемоний наблюдается с начала XIX в. Свадебные персонажи: глава поезда *той поç*, посаженный отец *хӑйматлӑх*, старший дружка *мӑн кӗрӳ*, младший дружка *кӗçӗн кӗрӳ*, пузырники. В обязанности младшего дружки входило руководство музыкантами, группой дружинников жениха *луса каччисем*. В сравнении со всеми персонажами современной свадьбы младший дружка наиболее полно сохранил свои функции. Активной была роль

посаженой матери (она — главная запевала многих эпизодов). Вместе с посаженным отцом она сопровождала жениха и невесту при переездах, приводила ее к жениху, переодевала в костюм замужней женщины и др.²⁵⁰ В свадьбе верховых чувашей получил распространение, особенно в средней подгруппе, богатый женский свадебный шубор *той шопăрĕ / нӳитӗрлӗ шупăр* из красного (кофта) и черного (нижняя часть) сатина в комплексе с поясными подвесками *сарӗ*.

Если для низовой свадьбы было характерно гостевание жениха и невесты у своих родственников одновременно, то в верховой свадьбе, как и средненизовой, был распространен вариант гостевания только невесты у своих родственников. Такой тип свадьбы бытовал также у части присви-язских чувашей (Тоншерма, Большое Шемякино), которые были основаны переселенцами из верховой зоны. Свадьба без гостевания жениха и невесты у своих родственников проходила в красночетайской подгруппе²⁵¹.

Обычай *вӗй килли уйӑрни* встречался преимущественно в свадебном комплексе *вирьял*. Хозяин «дома игрищ» *вӗй кил пуç*, представленный у верховых, выполнял роль посредника между родами. Место действия этого персонажа позднее было смещено из собственного дома в дом невесты.

Музыкально-хореографическое действие производилось в верховой традиции младшим дружкой, в низовой его начинал старший дружка, с угасанием функции старшего дружки его ритуальные функции перешли к младшему.

В **северо-западной подгруппе** поезда жениха и родственники невесты одновременно начинали свадебную церемонию. Глава поезда невесты *вӗй килӗ поç* встречал свадебный поезд жениха, требовал уплаты денег за въезд в ворота, а также руководил свадебной церемонией в доме невесты во время поездки на ее проводы²⁵². Местом проведения свадебной церемонии служил *шылӑк карти*²⁵³. Возможной причиной распространения у горных марийцев «шелыка» в свадебной обрядности стал результат расширения контактов, в частности с чувашами²⁵⁴. В традиции начала XIX в. для каждой группы родственников устраивали два отдельных места *шылӑк*²⁵⁵.

До прибытия жениха невеста со сверстницами *хӗр сӱммисем* выезжала к родственникам, в первой половине XIX в. она прощалась со слезами и причитаниями *хӗхлеме*²⁵⁶. К концу века данный ритуал упразднился, покрывало невесты также вышло из употребления, его заменил свадебный платок. Предполагается, что он исчез среди *вирьял* вследствие брачных контактов с марийцами, у которых он отсутствовал. Изначально традиция плача невесты была общечувашским явлением, о чем свидетельствуют архивные материалы²⁵⁷.

В большинстве вариантов свадьбы в подгруппах верховых, в отличие от средненизовых, поезд жениха останавливался около дома невесты перед закрытыми воротами, глава свадьбы жертвовал воротные деньги.

Основные персонажи въезжали верхом или на повозке. Перед женихом расстилали кошму с деньгами²⁵⁸. Во многих случаях брачующегося сопровождали посаженные родители. В источниках, характеризующих традицию XIX в., обращает внимание ритуал демонстрации верхоконной езды свадебными парнями. Группы участников сначала танцевали и пели отдельно, а затем соединялись.

Покрытую девичьим покрывалом *пёркенчэк* невесту помещали в амбар, нередко в соседний дом. Завершающий эпизод церемонии состоял из ритуалов раздачи подарков невестой и благословения. Невесту выводил посаженный отец.

Мать жениха стелила кошму с деньгами и подарком перед невестинной повозкой²⁵⁹. Обряд в доме жениха назывался термином *шыльэк*. Инициация невесты производилась после брачного ложа *хёве хупни* — это хождение за водой и приготовление из нее ритуального блюда — похлебки с клецками *сёнё сын салми* или *яшки*. В ритуале *сён сын яшки* (суп молодой) починали новую бочку пива и совершали обряд жертвоприношения *чүк*. В *шыльэк* с молодой снималось покрывало²⁶⁰, жениха с невестой накрывали кошмой, глава свадьбы плескал на них яичницу²⁶¹. Послесвадебные обряды у родителей молодой назывались *сурпан сәри* или *парне сәри*, а также *пуса сәри* «посконное пиво», связанное с сезонными работами.

Свадебный обряд **средней подгруппы** во многом идентичен с северо-западной. Вместе с тем обряд *вэй килли уйёрни* преимущественно бытовал в междуречье Вылы, Сормы и Большого Цивиля, чем в северо-западной части²⁶². В описании свадебного обряда д. Синьял-Покровское Козьмодемьянского уезда невесту переодевали в женский наряд во время гостевания в последнем доме, после этого два поезда объединялись и направлялись к родителям невесты. При встрече поездов участники обменивались шуточными песнями, как в обряде *вэй килли уйёрни*. Здесь упоминалось о бытовании старинного обычая *аламаник калани* (произнесение *аламаника* или *саламалика* — свадебное приветствие старшего дружки жениха). Во время завершающего обряда *шыльэк* родственники жениха получали подарки от молодых; производилось застольное моление и благословение родителей жениха²⁶³. Нынешние информанты не помнят о причитании невесты. Функционируют свадебные персонажи: глава свадьбы *туй пус*, посаженный отец, младший дружка (д. Пархикасы Чебоксарского МО). Ряд свадебных обрядов бытовал до последнего времени (с. Каряево Красночетайского МО)²⁶⁴. Младший дружка надевает передник *чёрси саппунё*, фуражку с бантом, повязывается вышитым полотенцем. Сохраняется костюм свахи: *алка*, *хушпу* (этот убор вновь появился в наше время), *шунёр* и др. Свадьбой руководят посаженные родители. Утром до начала свадьбы починают бочку пива, поют гимн земледельцев «Аки-сухи». Хождение за водой совершается на рассвете²⁶⁵.

Персонажами свадьбы **курмышской подгруппы** выступали глава свадьбы *той пощё* и младший дружка, парни-поезжане, свахи, персонаж старшего дружки отсутствовал, как и у *анат енчи*; в свадебном поезде невесты были представлены глава дома игрищ *вэй килли пощё*, родственники, подружки невесты²⁶⁶. Дialeктный характер носила последовательность действий поезжан. Поезд жениха вначале подъезжал к дому родственника невесты, где его принимали в *шыльёк* во дворе, отсюда переезжал в дом невесты, где требовали выкупа ворот. В *шыльёк* поезд принимал отец невесты. Песни и пляски поезжан жениха происходили в центре двора во-круг липы — дерева *шыльёк*.

Перед приездом поезда жениха невеста совершала гостевание у своих родственников. Музыкально-хореографические действия *хёр туйё* происходили в *шилёк* родителей, где встречались оба поезда. После диалога, взаимных угощений и выкупа младший дружка вел поезд жениха в дом, где он раздавал гостинцы невесте и ее родственникам, совершалась молитва с последующими музыкальными действиями. Указанные компоненты могут свидетельствовать о бытовании в западной части расселения верховых элементов матриликального брака, т. е. основные торжества совершались на стороне невесты, где наибольшую активность проявлял глава дома игрищ. Репертуар курмышской свадьбы имел сходные черты с северо-западной и средней подгруппами²⁶⁷, в том числе выкуп ворот у невесты, активность свиты невесты, особенно *вэй килли пощё*, сопровождение жениха и невесты при переездах посаженным отцом, переодевание в костюм замужней женщины посаженной матерью, порядок проведения послесвадебных обрядов. Была выражена уксорикальность свадебного действия. Отголоском былой традиции является обычай переодевания в женский наряд в кибитке посаженного отца у ворот женихова дома²⁶⁸. Обрядовые действия на стороне жениха, называемые *шилёк*, проводили на следующий день. Послесвадебные элементы включали визит к родителям невесты на помочи (так называемое посконное и конопляное пиво); *тавёрна*, пиво для получения скотины (приданого), посиденки (ткать холст). Послесвадебный обряд *курна* локально существует в курмышской части верховой зоны, бытовавший также в козловской подгруппе *анат енчи*²⁶⁹.

В **юго-восточной подгруппе** *туй пуё* руководил молением в доме жениха, давал распоряжения. Свадебный распорядитель *мён кёрё* и младший дружка угощали и развлекали гостей, последний руководил дружиной жениха и музыкантами. В обряде встречи поезда жениха прослеживались те же элементы: откуп ворот, въезд во двор верховых — свадебных чинов, совершение круга возле *шыльёк*. Отец невесты перед сидящим верхом на коне женихом расстилал кошму с деньгами и встречал с пивом²⁷⁰.

Переодевание в женский наряд происходило во время переезда²⁷¹. По приезду жениха с невестой, как и у *анат енчи*, к ним подводилась лошадь (*таянчёк тыттарни*). В избе возле печи молодых покрывали *сурпа*-

ном и войлоком. Младший брат жениха три раза подходил с пляской к молодым с деревянной вилкой, предлагая салму. Снимал войлок, *сурпан* и покрывало, уносил их в амбар и зарывал в муку. Обряд назывался *хачмак илли* (*хачмак* — обрядовый головной убор, надеваемый на *хушпу*)²⁷².

Таким образом, обряд снятия покрывала при помощи ветки с вилами с насаженной на них салмой бытовал в юго-восточной подгруппе верховых и имел сходство с обрядом средненизовых и низовых групп. Близкие аналогии имеются у ряда тюркских народов и на Северном Кавказе. В верховой свадьбе стороны пировали по отдельности (поезжане в *шыльӓк*, а родственники невесты — в доме), произнесение свадебного приветствия не вписывалось в контекст взаимного общения сторон. Однако произнесение *саламалик* некогда имело, вероятно, повсеместное распространение. В южновирьяльском подкомплексе встречались элементы: бытование ускорилокального варианта, гостевание жениха и невесты у родственников, «дом игрищ» и обряд *вӓй килли уйӓрни*, а также *саламалик*, снятие покрывала *хачмак илли* с использованием ветки с вилами и салмой (например, такова была свадьба в с. Абызово современного Вурнарского МО). Южновирьяльский комплекс характеризовался как переходный от вирьяльского к средненизовому и низовому. Особенность подгруппы заключалась в том, что здесь дольше сохранялись признаки общечувашского комплекса, которые у других подгрупп *вирьял*, особенно северо-западной, исчезали раньше в ходе брачных контактов с марийцами²⁷³.

В целом, свадьба верховых чувашей достаточно единообразная. Выделяются подкомплексы: курмышский и южновирьяльский. В курмышском комплексе отмечается активность роли свиты невесты и ее персонажа *вӓй кил пуҫ*, ускорилокальность (обряды проходили в локусе невесты). В свите жениха роль посаженных родителей была менее выражена, чем главы «дома игрищ». Функции старшего дружки ограничены. Свадебный обряд верховых чувашей в XIX в., как и другие компоненты традиционной культуры, находился в исторической динамике. В верховой традиции *саламалик* к этому времени был утрачен, и защитная функция *мӓн кӓрӓ* была выражена не столь явно, как в низовой. Многие элементы обряда, исполняющиеся в низовой традиции старшим дружкой, в том числе и защитные, у верховых перешли в обязанности главы свадьбы. Трансформация свадьбы невесты *хӓр туй* до приезда поезда жениха началась со второй половины XIX в., с угасания в верховой традиции плача невесты. К первой половине XIX в., ко времени описания С.М. Михайлова, вместе с переходами свадебных поездов в дома родственников для гостевания ушла из традиции практика *вӓй килли уйӓрни*.

Предсвадебный цикл в **северной подгруппе низовых чувашей** включал следующие элементы: визит сватуна *евчӓ яни*, сговор родственников *килӓштерни* (сторона невесты угощала супом *хӓр яшки*), окончательный

сговор *сураśni* (невеста давала подарки), визит для сообщения о готовности к свадьбе *пйлчав*. Основными персонажами свадьбы являлись глава свадьбы *туй пуç*, младший дружка *кёсён кёрў* (*каччй юлташ*), музыкант. Отсутствовали персонажи посаженного отца *хййматлăх* и старшего дружки *мăн кёрў*. Указанные элементы свидетельствуют о сходстве со средненизовой свадьбой. В восточной части северной подгруппы было известно название старшего дружки — *аслă кёрнёкер* (букв. «старший воин жениха»), дружинники назывались *кёрнўкерсем*²⁷⁴.

Невеста с подружками *хёр туйё* объезжала с причитанием своих родственников. Во дворе или на улице сооружали *шырлăк* (как и в центральной подгруппе *анат енчи*) для свадебного поезда жениха, его встречали у ворот, угощали в избе. Невеста не пряталась, она находилась в окружении подружек в избе. Глава свадьбы с женой, выступавшие организаторами всех ритуалов и действий, вели молодых в избу после окруживания *пуç сырни* невесты в клетки, первыми начинали пляску, выводили невесту из дома, сопровождали молодых в пути.

По приезду в деревню жениха свадебный поезд вначале останавливался у главы поезда, как и при выезде за невестой. В доме жениха молодых встречали родители жениха, благословляли. В следующие дни совершались поздравления, их называли *салам илмелли кунсем* (букв. «дни получения приветствия»). Невеста раздавала подарки, угощала участников пивом. Следующая церемония была связана со встречей в доме жениха новых сватёв *сёнё хăта* и совершением гостевания у родственников жениха. Послесвадебный обряд *пичке тавăрни* (визит с бочкой пива к родителям невесты) продолжает бытовать. В современной свадьбе свахи надевают *хушпу* (в национальном уборе бывает около 40 женщин)²⁷⁵.

По сценарию свадьба северной подгруппы имеет сходство с козловской и центральной подгруппами *анат енчи* и южными вирьялами. Характерным является гостевание поезда невесты у своих родственников. Жених со своим поездом из родительского дома следовал в дом главы поезда, затем — к невесте. К приезду жениха невеста находилась в родительском доме. В то же время бытовал и другой обычай, который сближает норматив данной свадьбы со свадьбой подлесной подгруппы. В некоторых случаях практиковалось *хёр лесни* / *хёре йёртме лесни* — местонахождение невесты на стороне жениха в доме для причитаний, куда отвозили невесту ее родственники. Тип свадьбы — дислокальный, т. е. переходный от ускорилокального к вирилокальному.

Традиция устройства *шырлăк* в северной подгруппе, как и в подгруппах средненизовых, может свидетельствовать о том, что она была характерна для свадебного обряда всех этнографических групп и подгрупп. В ходе трансформации свадебной обрядности она не закрепились в южных подгруппах, в частности в козловской (в составе *анат енчи*), степной и подлесной (в составе *анатри*).

Предсвадебный цикл в **подлесной подгруппе** включал визит сватуна, сговор ближайших родственников *хёр калаşни*, а также *хёр къларни* (вывод невесты из родительского дома)²⁷⁶. В Норваш-Шигалях свадебные действия продолжались 2—3 дня и состояли из трех этапов: вывод невесты, свадьба жениха, визит новых сватъев. Первый этап совершался в форме свадьбы только с некоторыми элементами, например, с участием старшего дружки и сватуна. По прибытии за невестой старший дружка читал приветственную речь *мън кёрѹ такмакѹ*, вел переговоры с ее родителями о выводе и перевозке в дом для причитаний *хёр йёртме*. Родители невесты, а также старшие родственники благословляли молодых. Свадебных песен при выводе невесты не было. Когда увозили невесту, она причитала. Образец плача невесты в доме причитаний *хёр йёрмелли кил* у родственника жениха напоминает умыкание. Будучи в наряде девушки *тухья* под покрывалом, она начинала плач, находясь в клети этого дома. Он соответствовал понятию «дом игрищ», в котором принимали свадьбу. Среди функций дома-посредника выделяется функция места переодевания невесты в женский наряд. Вывод невесты в другой дом вполне согласуется с обычаем кражи невесты, являвшейся нормой на более ранних стадиях брака. В доме, в который выводили невесту, происходил обряд бракосочетания, которым руководил хозяин «дома игрищ», становясь посредником между родами жениха и невесты. Разделение фигуры хозяйина «другого дома» на три персонажа (в том числе старший дружка), произошло, вероятно, вследствие изменения брачных норм, оформления в качестве нормативного брака сватовством, а не умыканием и уходом²⁷⁷.

Невесту из клети приводили к двери дома посредника. Причитания невесты адресованы находящимся там подружкам. В доме *мън кёрѹ* энергично размахивал плеткой в руке, организовывал пляску и пение, поддерживал порядок. Обе стороны с частушками соревновались в пляске, т. е. в действиях и песнях (частушках) демонстрировалась борьба двух родов. В доме плач *хёр йёрри* был обращен к старшим родственникам жениха²⁷⁸. Две свадьбы (жениха и невесты) с напевами поезжан жениха *туй юррисем* и невесты *хёр туй юрри*, частушек *туй такмакѹ* совершали обход ряда домов, после этого направлялись в дом родителей жениха. Они с хлебом-солью встречали молодых перед воротами, в доме совершалось благословение молодых, снятие покрывала невесты *сѣнѹ сын* дружками, закрывание молодых в клеть.

Описанная свадьба в подлесной подгруппе (с. Норваш-Шигали) отражает проявление дислокального состояния брака. Основным местом проведения главных обрядовых действий является локус жениха. Первый тип преобладал среди верховых чувашей и генетически связанной с ними в подлесной подгруппе.

В юго-западной низовой зоне (Симбирский и часть Буинского уездов) присутствовал обряд *вйй килли уйърни* «раздел свадебного места» — традиция верховых из междуречья Суры и Вылы²⁷⁹. Дом игрищ *вйй*

килӗ, персонаж *хӗйматлӑх* и другие элементы верховой зоны присутствовали в свадебном обряде д. Трехизб-Шемурша²⁸⁰. В юго-западном комплексе посредническую роль играли сватун и посаженный отец, выводивший невесту из родительского дома и увозивший к себе. Этот сценарий является признаком уксорилокального типа свадьбы. Выбирались все известные персонажи — *туй пуҫ*, *мӑн кӗрӳ*, *кӗҫӗн кӗрӳ*. Старший дружка произносил *саламалик*, присутствовал плач невесты.

Возможно, что в чувашской свадьбе «дом игрищ» выполнял функции, близкие к «другому дому» у северокавказских народов — места пребывания невесты до заключения брака. Функции «дома игрищ» представлены и в использовании клетки для проведения моления в начале свадьбы, переодевания молодых и проведения первой брачной ночи, и в устройстве *шыльӑк*²⁸¹.

Свадебный ритуал в **степной подгруппе** *анатри* был зафиксирован в последней четверти XIX в. информантом В.К. Магницкого в Байтерьяковском приходе Тетюшского уезда, в начале XX в. Д. Месарошем — в Средних Алгашах Симбирского уезда²⁸², корреспондентами Н.В. Никольского²⁸³. Свадебные действия у жениха и невесты совершались в один день. У невесты они начинались с причитаний в клетке и продолжались перед печью. Поезд невесты отправлялся по домам родственников.

В присвияжской части степной подгруппы одновременно присутствовали обряд *вӑй килли уйӑрни*, особенности музыкального фольклора верховых чувашей и козловский вариант средненизовой свадьбы (например, отсутствие *шилӑк*)²⁸⁴. В целом, в низовой традиции, где термин *вӑй килли* мало сохранился, функции «дома игрищ» выполняли дома сватуна и посаженного отца. На стороне невесты отдельно приглашались поезжане во главе со старшим дружкой, который обращался с поэтической речью *такмак*.

По приезду в деревню жениха совершался обряд *таянчӑк тыттарни* (одаривание молодой скотом). По приготовлении салмы устраивался ритуал угощения и снятия покрывала трехзубчатой палочкой с салминками, исполнявшийся мальчиком. Проводились обряды хождения молодой за водой, благословения, брачной постели *хӗве хупни*. На следующий день невеста раздавала подарки, участники обходили дома родственников жениха, во дворе дома жениха ставили *шыльӑк* с лавками и столами. Эти обряды были сходными с ритуалами центральной подгруппы *анат енчи*.

Подводя итоги сказанному, следует подчеркнуть, что типологические различия свадебной обрядности соответствуют в целом делению по этнографическим группам и подгруппам. Переходный характер брачной обрядности в той или иной подгруппе может указывать на единство свадебных традиций всех этнографических групп чувашей в прошлом. Дифференциация элементов происходила по мере формирования самих групп и подгрупп под влиянием разных факторов, в том числе важную

роль играли контакты с соседними народами. Наибольшее сходство проявляется в свадебных обрядах северо-западной подгруппы верховых чувашей с горными марийцами, средненизовых — с моркинско-звениговской подгруппой луговых марийцев, например, плач невесты, *шилек*, посаженные отец и мать *кияматлык ача* и *ава*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В докладе проанализирован ряд признаков формирования этнографических подгрупп. Языковеды констатируют, что на стыке двух диалектных систем в ходе исторического развития образовались смешанные говоры. Можно предположить существование изначального единства структуры костюма и обрядности у разных этнографических комплексов. По мере их формирования под влиянием разных факторов (межгрупповое и межэтническое смешение традиций, этнолингвокультурные процессы) сложились подгруппы ЭГ чувашей. При этом необходимо принимать во внимание относительную самостоятельность этнокультурных и языковых процессов.

Средненизовые чуваше, генетически связанные с ЭГ верховых и низовых, по отношению к ним выступают первичными. Границы с *вирьял* и *анатри* образуют переходные зоны со смешанными традициями в Прицивилье и междуречье Аниша и Кубни. Этнографические районы значительно отличаются от ареалов языковых и музыкальных диалектов.

Верховой диалект представляют типовые говоры. Их объединяют прежде всего архаичные черты. Исследователи считают, что древнейшие явления более выражены в сундырской подгруппе. В то же время этнические и этнокультурные связи этой подгруппы и горных марийцев привели к определенной унификации языка и культуры. Для переходных подгрупп, куда относятся северо-западная подгруппа *анат енчи* и юго-восточная в группе *вирьял*, характерен островной характер употребления «о» или «у». В костюме верховых традиционные элементы больше представлены в юго-восточной подгруппе.

Этнокультура подгрупп низовых чувашей является результатом взаимодействия и трансформации культурных комплексов средненизовых (в большей степени) и верховых чувашей (в меньшей степени). Комплексы традиционной культуры подгрупп *анатри* сложились в первую очередь на основе традиций *анат енчи* аниш-кубнинского междуречья (юго-восточной и козловской подгрупп). Подгруппы *анатри* имеют различный по происхождению и составу этнокультурный облик. Они неоднородны как в вариантах комплексов подгрупп, так и внутри них, например, шемуршинской и цильнинской в подлесной подгруппе, западной и присвияжской в степной подгруппе.

Историографический обзор показал, что далеко не все специфические черты языка и культуры в рамках этнографических комплексов удовлетворительно изучены в науке. Это касается также выделения «генетических» (первичные) и «территориальных» (вторичные) этнографических образований в рамках подгрупп. Дальнейшие задачи по данной проблеме касаются ряда научных дисциплин. В частности, в области этнологии картографирование этнокультурных параметров групп и подгрупп, уточнение границ между ними еще не завершено. Это касается не только пройденных этапов, но и современных процессов. Внимание к местным традициям следовало бы актуализировать. Сбор полевого материала по обрядовой культуре, функционировавшей в тех или иных подгруппах, также является неотложной задачей. Сравнительное изучение типов чувашского костюма и его трансформации в рамках подгрупп должно быть углублено. В этой связи требуют более точной идентификации по подгруппам элементы одежды и украшений XVIII—XIX вв., хранящиеся в Российском этнографическом и других музеях. Следует оценить территориальную специфику костюмов, изготовленных народными мастерами по местным традициям. Особенности межгрупповой и внутригрупповой дифференциации семейных и календарных обрядовых комплексов нуждаются в более углубленном изучении.

Следует уделить больше внимания сравнительному анализу этнокультурных признаков северной подгруппы низовых чувашей и моркинской луговых марийцев, чувашей и татар-кряшен (например, между молькеевскими кряшенами и северной и юго-восточной подгруппами *анат-ри*), чувашей и удмуртов (между подгруппами верховых и средненизовых, с одной стороны, и бессермянами и чепецкими татарами²⁸⁵ с другой). Отмеченные задачи могут быть реализованы в рамках специальной монографии по проблеме дифференциации этнографических групп.

Археологические памятники казанско-ханского периода в Чувашии малоизучены. Новых подходов требует изучение уже раскопанного материала²⁸⁶. В частности, археологами отмечаются перегибы в идентификации этнокультурного комплекса. Свой вопрос археологи, вероятно, адресуют и этнографам: на каких основаниях, кроме современного этнографического разделения, выделяются могильники верховых, низовых и средненизовых чувашей. Еще П.П. Ефименко считал важными вопросы сопоставительного изучения чувашских «языческих» кладбищ, их отличия в ареалах расселения диалектологических и этнографических групп чувашей, поиск погребений, датированных ранее XVI в., их связи с поволжско-финскими древностями²⁸⁷. Археологи указывают на явную недостаточность исследований святилищ *киремет*, полевого моления *учук*, обряда прохождения через земляные ворота *сёр ханхи* и других мест проведения культовых обрядов.

Языковеды считают, что вопрос о происхождении и формировании диалектных систем является наиболее сложным и нерешенным в чуваш-

ском языкознании. Остаются малоизученными чебоксарский и калининско-аликовский говоры ВД. Больше внимания требует СД чувашского языка, мелкие особенности говоров НД²⁸⁸. Значимой задачей является изучение истории фонетики (истории звуков), т. е. исторических фонетических реконструкций чувашского языка.

Представляется важным максимальное введение в научный оборот памятников чувашского языка XVIII в., которые достаточно информативны и при этом еще сохраняют большое количество архаизмов. Языковеды в числе нерешенных вопросов называют неопределенность хронологических рамок заимствований, отсутствие диалектной идентификации лексем. Вопрос о соотношении этнографического и языкового материала требует более глубокого исследования на уровне монографии.

Литература, источники и примечания

¹ *Исхаков Д.М.* Этнографические группы татар Волго-Уральского региона (принципы выделения, формирование, расселение и демография). Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1993. С. 29.

² *Ягафова Е.А.* Чуваша Урало-Поволжья: история и традиционная культура этно-территориальных групп (XVII — начало XX в.). Чебоксары: ЧГИГН, 2007. С. 355.

³ *Димитриев В.Д.* Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа: сб. статей. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. С. 97.

⁴ Данный вопрос рассматривался в специальном научном докладе: *Чибис А.А.* Верховые чуваша: некоторые итоги и задачи изучения / науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары, 2022. 40 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 34).

⁵ Этнографические группы (ЭГ) верховых *вирьял*, средненизовых *анат енчи* и низовых чувашей *анатри* сформировались на территории правобережья Волги, которое ныне относится к Чувашской Республике, а южная периферия *анатри* (южные части степной и подлесной подгрупп) — к Ульяновской области (к северу от Ульяновска) и Республике Татарстан (Присвияжье, Предволжье).

⁶ *Исхаков Д.М.* Указ. соч. С. 30.

⁷ *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб.: Императ. АН, 1773. Ч. I. С. 145.

⁸ *Михайлов С.М.* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1972. С. 51—52, 78.

⁹ *Лебедев В.И.* Симбирские чуваша // Журнал МВД. 1850. Ч. 30. № 6. С. 303—355; *Его же.* Чувашские предания // Северное обозрение. 1848. Т. 2. Отд. 6. С. 18—24.

¹⁰ *Риттих А.Ф.* Материалы для этнографии России. XIV. Казанская губерния. Казань: Тип. Императ. Казан. ун-та, 1870. Ч. I. С. 48—53.

¹¹ *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1881; *Его же.* Замечания на «Этнографический очерк быта чуваш» Ив. Меньшова, помещенный в 3 выпуске «Записок» отдела // Записки Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Оренбург, 1881. Вып. 4. С. 185.

¹² *Золотницкий Н.И.* Избранные труды: статьи, лингвистические исследования, словари, письма, отчеты, разные документы / сост. В.Г. Родионов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. С. 25—26.

¹³ *Егоров В.Г.* Библиографический указатель литературы по чувашскому языку. Чебоксары: ЧНИИ, 1931. С. 16.

¹⁴ Месарош Д. Памятники старой чувашской веры / пер. с венг. Ю. Дмитриевой. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С. 7.

¹⁵ Комиссаров Г.И. Чуваши Казанского Заволжья // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ИОАИЭ). Казань: Типолит. Императ. ун-та, 1911. Т. XXVII. Вып. 5. С. 332.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья (Материалы к этногенезу). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1960. С. 30—33.

¹⁸ Ашмарин Н.И. Материалы для исследования чувашского языка. Казань: Типолит. Императ. ун-та, 1898. Ч. 1—2. С. 344—345.

¹⁹ Ашмарин Н.И. Заметки по чувашской диалектологии // Материалы по чувашской диалектологии. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. Вып. 1. С. 65.

²⁰ См., например: Сергеев Л.П. Н.И. Ашмарин как диалектолог // Н.И. Ашмарин — основоположник чувашского языкознания: сб. статей. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1971. С. 163—178.

²¹ Никольский Н.В. Этнографические заметки о чувашах Козьмодемьянского уезда Казанской губернии // ИОАИЭ. Казань: Типолит. Императ. ун-та, 1911. Т. XXVII. Вып. 4. С. 245—270.

²² Воробьев Н.И., Львова А.Н., Романов Н.Р., Симонова А.Р. Чуваши. Этнографическое исследование. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1956. Ч. 1. Материальная культура. С. 36.

²³ Там же. С. 36—37.

²⁴ Дмитриев В.Д. К вопросу о сложных общинах в Чувашии // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1963. Вып. 23. С. 196—228; *Его же*. Чувашские исторические предания. Очерки истории чувашского народа с древнейших времен до середины XIX века. 2-е изд., доп. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. 446 с.; *Его же*. Чувашские материнские селения Свияжского, Кокшайского, Чебоксарского, Козьмодемьянского, Цивильского, Ядринского, Курмышского и Симбирского уездов первой половины XVIII века. Чебоксары: ЧГИГН, 2006. 83 с.

²⁵ Иванов Л.И. Чуваши: формирование этнографических групп и подгрупп (на территории Чувашии): Заметки краеведа. 2-е изд. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2012. 142 с.

²⁶ Иванов В.П. Этническая карта Чувашии (расселение, численность и межэтническое взаимодействие титульной нации и этнических групп на территории республики). Чебоксары: Руссика, 1997. 176 с.; *Его же*. Чувашский этнос: проблемы истории и этногеографии. Чебоксары: ЧГИГН, 1998. 152 с.; *Его же*. Формирование этнографических и этнотерриториальных групп чувашей // Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона. Уфа: Уфим. науч. центр РАН, 2001. С. 75—79; *Его же*. Этническая география чувашского народа: историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. 383 с.; Чуваши: история и культура / отв. ред. В.П. Иванов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 1. С. 148—161; Иванов В.П. Проблемы этнографии чувашского народа: Избранные труды. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова, 2012. С. 23.

²⁷ Иванов В.П. Этногенез чувашей: территориальный фактор // Историк и время: материалы Всерос. научно-практич. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося чувашского историка В.Д. Дмитриева (г. Чебоксары, 28 марта 2024 г.) / сост. и отв. ред. В.Н. Клементьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2024. С. 38.

²⁸ Ягафова Е.А. Чуваши Урало-Поволжья...; *Ее же*. Этнографические, территориальные и конфессиональные группы // Чуваши / отв. ред. В.П. Иванов, А.Д. Ко-

ростылев, Е.А. Ягафова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. М.: Наука, 2017. С. 87—99 (Народы и культуры); и др.

²⁹ Ягафова Е.А. Этнографические, территориальные и конфессиональные группы. С. 87—89.

³⁰ Ягафова Е.А. Чуваши Урало-Поволжья... С. 355.

³¹ Сепеев Г.А. История расселения марийцев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. С. 13, 47, 59—61.

³² Егоров В.Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1954. С. 46.

³³ Матвеев Т.М. Краткий обзор чувашских диалектов // Яфетический сборник. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. Вып. VI. С. 100—151.

³⁴ Сергеев Л.П. Чăваш диалектологийĕ: словарь-справочник. Шупашкар: Чăваш патш. пед. ун-чĕ, 2007; Матвеев Т.М. Краткий обзор чувашских диалектов (1930) и др.

³⁵ Кашокова А.С. Некоторые особенности диалектов чувашей *тури* и *анатри* // Материалы по чувашской диалектологии. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. Вып. 1. С. 80—122.

³⁶ Цаплина Р.И. Морфологические особенности ишлейского говора // Материалы по чувашской диалектологии. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. Вып. 1. С. 123—144.

³⁷ Котлеев В.И. О некоторых фонетических особенностях краснотайского говора // Материалы по чувашской диалектологии. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1963. Вып. 2. С. 35—48.

³⁸ Дегтярёв Г.А. Названия овощных культур в диалектном языке // Материалы по чувашской диалектологии. Чебоксары: ЧГИГН, 1997. Вып. 5. С. 9—30.

³⁹ Кузнецов А.В. Чувашская диалектология: итоги и задачи изучения // Итоговые научные сессии 2015—2018 годов / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2018. С. 345—384; Его же. Тавай тăрăхĕнчи Тăрмăш ялĕн каласăвĕ: диалектологие ономастика тĕпчевĕсем. Шупашкар: ЧПГАИ, 2023. 184 с.

⁴⁰ Федотов М.Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи / под ред. С.И. Галкина. Саранск: Изд-во Саратов. ун-та, Саран. филиал, 1990. С. 43.

⁴¹ Лукоянов Г.В. Мариизмы в говорах верхового диалекта чувашского языка // Диалекты и топонимия Поволжья: материалы и сообщения. Чебоксары: ЧГУ, 1973. Вып. 2. С. 101—116.

⁴² Долгова А.П. Этноязыковая культура чувашей Присвияжья // Чуваши Присвияжья: история и культура. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. С. 87—111.

⁴³ Савельев А.В. Отражение диалектных особенностей в старописьменных памятниках чувашского языка XVIII века (на материале Словаря Палласа): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. М., 2014.

⁴⁴ Савельев А.В. К уточнению сценария чувашско-марийских контактов // Языковые контакты народов Поволжья и Урала: сб. статей XI Междунар. симпозиума / отв. ред. А.М. Иванова, Э.В. Фомин. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. С. 95—104.

⁴⁵ На картосхеме Г.И. Комиссарова подгруппы обозначены римскими цифрами без названий. См.: Приложения к очерку Гурия Комиссарова «Чуваши Казанского Заволжья». № 6. Этнографическая карта Козьмодемьянского, Цивильского, Чебоксарского и Ядринского уездов Казанской губернии. Казань, 1912 // Комиссаров Г.И. (Вантер). Собрание сочинений. Труды по истории чувашского народа. Кн. 2 / сост. Г.Б. Матвеев. Чебоксары: Новое время, 2020. С. 134—135.

⁴⁶ Егоров Н.И. Избранные труды по этнолингвогенезу и этнической истории чувашского народа. Чебоксары: Новое время, 2017. Кн. 1. С. 144—145, 240—241 и др.

- ⁴⁷ Кондратьев М.Г. К вопросу о диалектологии чувашской народной песни // Вопросы истории и теории чувашского искусства. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1982. С. 112—125; *Его же*. Свадебные напевы чувашей (к постановке проблемы диалектологии свадебных песен) // Чувашское народное творчество: сб. статей. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1985. С. 41—66; *Его же*. Чувашская музыка: от мифологических времен до становления современного профессионализма. М.: ПЕР СЭ, 2007. 287 с.
- ⁴⁸ Осипов А.А. Мелодико-ритмические типы свадебных песен низовых чувашей // Чувашское искусство: история и художественное наследие: сб. статей. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1988. С. 40—63; *Его же*. Свадебные песни чувашей *анат енчи* (Музыкальная типология) // Вопросы истории и теории искусств. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1992. С. 86—109; *Его же*. Чувашская свадьба: Обряд и музыка свадьбы *вирьял*. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. 206 с.
- ⁴⁹ Родионов В.Г. О диалектах чувашского языка и границах этнографической группы *анат енчи* // Родионов В.Г. Чувашский этнос: исследования по этнологии и мифопоэтике. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. С. 174.
- ⁵⁰ Сергеев Л.П. О состоянии и задачах изучения чувашских диалектов // Материалы по чувашской диалектологии. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1969. Вып. 3. С. 11.
- ⁵¹ Комиссаров Г.И. Чуваши Казанского Заволжья. С. 342.
- ⁵² Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья. С. 30—33.
- ⁵³ Матвеев Т.М. Краткий обзор чувашских диалектов // Материалы по чувашской диалектологии. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. Вып. 1. С. 53.
- ⁵⁴ Родионов В.Г. О диалектах чувашского языка и границах этнографической группы *анат енчи*. С. 180.
- ⁵⁵ Кондратьев М.Г. К вопросу о диалектологии чувашской народной песни. С. 112—125.
- ⁵⁶ Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Казань: Наркомпрос ЧАССР, 1928. Вып. 1. С. 224—225. Статья «Анатри чăваш».
- ⁵⁷ Воробьев Н.И. и др. Чуваши. С. 75.
- ⁵⁸ Чуваши: история и культура. Т. 1. С. 149—150.
- ⁵⁹ Северные части Чебоксарской и Цивильской волостей, а также Акулевская, Алымкасинская волости и западная часть Посадско-Сотниковской волости.
- ⁶⁰ Матвеев Т.М. Краткий обзор чувашских диалектов (1930). С. 115.
- ⁶¹ Там же. С. 113.
- ⁶² Матвеев Т.М. Краткий обзор чувашских диалектов (1960). С. 53—54.
- ⁶³ Воробьев Н.И. и др. Чуваши. С. 36.
- ⁶⁴ Там же. С. 37.
- ⁶⁵ Там же. С. 75.
- ⁶⁶ Комиссаров Г.И. К «Этнографической карте Козьмодемьянского, Цивильского, Чебоксарского и Ядринского уездов» (Объяснительная записка) // ИОАИЭ. Казань, 1912. Т. XXVIII. Вып. 4—5.
- ⁶⁷ Чуваши: история и культура. Т. 1. С. 150.
- ⁶⁸ Чуваши (2017). С. 87—89.
- ⁶⁹ Иванов Л.И. Указ. соч. С. 77.
- ⁷⁰ Матвеев Т.М. Краткий обзор чувашских диалектов (1930). С. 116.
- ⁷¹ Матвеев Т.М. Краткий обзор чувашских диалектов (1960). С. 59.
- ⁷² Воробьев Н.И. и др. Чуваши. С. 75.
- ⁷³ Чуваши: история и культура. Т. 1. С. 151.
- ⁷⁴ Чуваши (2017). С. 87—89.
- ⁷⁵ Полевые материалы автора (далее ПМА), собранные в 2002 и 2015 гг. в Ибресинском, Батыревском, Шемуршинском районах Чувашской Республики;

Дрожжановском, Буинском, Тетюшском районах Республики Татарстан; Цильнинском районе Ульяновской области.

⁷⁶ См., например: Чуваши Присвияжья: история и культура / под ред. В.П. Иванова и Г.Б. Матвеева. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 303 с.

⁷⁷ Мясников Н.С., Березина Н.С. Исследование средневекового Утюжского поселения в Среднем Посурье в 2011–2012 гг. // Чувашская археология: сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. Вып. 2. С. 97–110.

⁷⁸ Шитов В.Н. Расселение древней мордвы (по материалам погребальных памятников) // Финно-угорский мир: история и современность: материалы II Всерос. конф. финно-угроведов (секция исторических и педагогических наук). Саранск: Красный Октябрь, 2000. С. 52–60; Вискалин А.В., Мясников Н.С. Этнокультурная ситуация на западной границе Волжской Болгарии в золотоордынское время (по материалам археологических исследований многослойного поселения Утюж 1) // Волжская Болгария (Булгария): этнокультурная ситуация и общественное развитие: материалы науч. семинара (Чебоксары, 13 апреля 2011 г.) / сост. и науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 125; Мясников Н.С., Березина Н.С. Указ. соч. С. 101–102.

⁷⁹ Никитина Т.Б., Воробьева Е.Е., Федулов М.И. Украшения Анаткасинского могильника: к вопросу об этнокультурной принадлежности // Поволжская археология. 2016. № 1. С. 121–142.

⁸⁰ Чăваш халăх пултарулăхĕ. Тавралăх халапĕсем. Иккĕмĕш кĕнеке / пухса хатĕрленĕ, ум сăмахпа ăнлантарусене сыраканĕ О.Н. Терентьева. Шупашкар: Чăваш кн. изд-ви, 2017. С. 118.

⁸¹ Третьяков П.Н. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1948; Смирнов А.П. Железный век Чувашского Поволжья. М.: АН СССР, 1961; Каховский В.Ф., Смирнов А.П. Памятники Средневековья Чувашского Поволжья // Городище Хулаш и памятники Средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1972. С. 116–157; Каховский В.Ф. Новые археологические памятники Чувашского Присурья // Исследования по археологии Чувашии / Труды ЧНИИ. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1978. Вып. 80. С. 4–18; Его же. Булгарские памятники на территории Чувашии // История исследования археологических памятников в Чувашском Поволжье и материалы по антропологии чувашей. Чебоксары: ЧГИГН, 1995. С. 3–33; Хлебников Т.А. Археологические памятники XIII–XV вв. в Горномарийском районе Марийской АССР // Происхождение марийского народа: материалы науч. семинара, проведенного Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23–25 декабря 1965 г.). Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1967. С. 85–92; Фахрутдинов Р.Г. О степени заселенности булгарами территории современной Чувашской АССР // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. С. 175–201.

⁸² Чуваши (2017). С. 21–22.

⁸³ Терентьева О.Н. Ял-хула тата вĕсен ячĕсен пулăвĕ сінчен калакан халапсенчи вăрттăн ыйту (Потаенное в легендах об образовании поселений и их названий) // Чăваш халăх пултарулăхĕ. Тавралăх халапĕсем. С. 5.

⁸⁴ См.: Димитриев В.Д. Чуваши в составе Казанского ханства: предыстория и история / сост. Д.В. Басманцев. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. С. 123–124.

⁸⁵ Димитриев В.Д. К вопросу о заселении юго-восточной и южной частей Чувашии // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1956. Вып. XIV. С. 173–218; Его же. К вопросу о сложных общинах в Чувашии. С. 196–228; Его же. Чувашские исторические предания...; Его же. Мирное присоединение Чувашии к

Российскому государству. Чебоксары: НАНИ ЧР, 2001. С. 22; *Его же*. Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа. С. 89; *Иванов В.П.* Очерки по истории и этнографии Чувашии: избранные труды (2012—2022). Чебоксары: ЧГИГН, 2022. С. 12; *Иванов Л.И.* Указ. соч. С. 45.

⁸⁶ *Димитриев В.Д.* Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. С. 23.

⁸⁷ Подсчитано по книге: *Димитриев В.Д.* Чувашские материнские селения... С. 4—34, 41—43.

⁸⁸ Народы Поволжья и Приуралья: Историко-этнографические очерки / отв. ред. Р.Г. Кузеев. М.: Наука, 1985. С. 175; Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. Чебоксары: ЧГИГН, 1993. С. 50; *Иванов В.П.* Чувашский этнос: проблемы истории и этногеографии. С. 111.

⁸⁹ *Федотов М.Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. С. 11—12, 14.

⁹⁰ *Сенеев Г.А.* История расселения марийцев. С. 67—75.

⁹¹ *Димитриев В.Д.* Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа. С. 89.

⁹² Чăваш халăх пултарулăхĕ. Тавралăх халапĕсем. С. 113—115.

⁹³ Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. С. 50—51.

⁹⁴ *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания... С. 122.

⁹⁵ *Димитриев В.Д.* Чувашские материнские селения... С. 29.

⁹⁶ Там же. С. 38; Чăваш халăх пултарулăхĕ. Тавралăх халапĕсем. С. 181.

⁹⁷ *Димитриев В.Д.* Чувашские материнские селения... С. 41.

⁹⁸ Там же. С. 39—40.

⁹⁹ Чăваш халăх пултарулăхĕ. Тавралăх халапĕсем. С. 176; *Димитриев В.Д.* Чувашские материнские селения... С. 53.

¹⁰⁰ *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX вв.). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. С. 301.

¹⁰¹ Чăваш халăх пултарулăхĕ. Тавралăх халапĕсем. С. 152, 173 и др.; *Евсеев М.Е.* Мордва Татарской Республики // Материалы по изучению Татарстана. Казань, 1925. Вып. 2. С. 179—184.

¹⁰² Чăваш халăх пултарулăхĕ. Тавралăх халапĕсем. С. 143—147.

¹⁰³ Там же. С. 124—125, 144—147, 231—232 и др.; *Иванов Л.И.* Указ. соч. С. 73.

¹⁰⁴ *Димитриев В.Д.* О последних этапах этногенеза чувашей // Болгары и чувашы: сб. статей. Чебоксары: ЧНИИ, 1984. С. 37.

¹⁰⁵ Чăваш халăх пултарулăхĕ. Тавралăх халапĕсем. С. 263.

¹⁰⁶ *Иванов В.П.* Очерки по истории и этнографии Чувашии... С. 12.

¹⁰⁷ *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания... С. 8.

¹⁰⁸ Современный чувашский литературный язык. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. С. 144.

¹⁰⁹ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1941. Вып. XVI. С. 52; *Димитриев В.Д.* Чувашские материнские селения... С. 23; Чăваш халăх пултарулăхĕ. Тавралăх халапĕсем. С. 198—199.

¹¹⁰ *Димитриев В.Д.* Чувашские материнские селения... С. 14—15.

¹¹¹ Там же. С. 28, 31; Чăваш халăх пултарулăхĕ. Тавралăх халапĕсем. С. 97; и др.

¹¹² *Иванов Л.И.* Указ. соч. С. 34.

¹¹³ Чăваш халăх пултарулăхĕ. Тавралăх халапĕсем. С. 19.

¹¹⁴ *Димитриев В.Д.* Чувашские материнские селения... С. 36—37; Чăваш халăх пултарулăхĕ. Тавралăх халапĕсем. С. 81—85.

¹¹⁵ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 196. Л. 277—286. В частности, д. Второе Байрашево упоминается В.К. Магницким под 1595 г.

- ¹¹⁶ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 334. Оп. 1. Д. 3.
- ¹¹⁷ Чăваш халăх пултарулăхĕ. Тавралăх халапĕсем. С. 83; *Иванов Л.И.* Указ. соч. С. 43; и др.
- ¹¹⁸ *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания... С. 8.
- ¹¹⁹ Чăваш халăх пултарулăхĕ. Тавралăх халапĕсем. С. 68—72.
- ¹²⁰ *Иванов Л.И.* Указ. соч. С. 44.
- ¹²¹ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 191. Л. 1422—1432.
- ¹²² *Иванов Л.И.* Указ. соч. С. 46—47.
- ¹²³ Чăваш халăх пултарулăхĕ. Тавралăх халапĕсем. С. 72.
- ¹²⁴ *Сосаева А.А.* Хронологические пласты топонимии Чувашии // Материалы по чувашской диалектологии. Чебоксары: ЧГИГН, 1997. Вып. 5. С. 150.
- ¹²⁵ Чувашская энциклопедия: в 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 3. С. 346. Эти имена были указаны в работе С.М. Михайлова «Грамоты об именовании встарь чуваш татарами» (1854).
- ¹²⁶ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Ч. 1. С. 464—465.
- ¹²⁷ *Димитриев В.Д.* Документы по истории народов Среднего Поволжья XVI—XVIII веков // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1956. Вып. 12. С. 110—111, 119, 121.
- ¹²⁸ ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 3; *Димитриев В.Д.* Документы по истории народов Среднего Поволжья XVI—XVIII веков. С. 110—123.
- ¹²⁹ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 730. Л. 22.
- ¹³⁰ Чăваш халăх пултарулăхĕ. Тавралăх халапĕсем. С. 40.
- ¹³¹ *Комиссаров Г.И. (Вантер).* Собрание сочинений. Кн. 2. С. 65.
- ¹³² *Левитская Л.С.* Новый вклад в чувашскую историческую лексикологию (рецензия на «Этимологический словарь чувашского языка» В.Г. Егорова) // Тюркская лексикология и лексикография. М.: Наука, 1971. С. 301—304.
- ¹³³ *Терентьева О.Н.* Ял-хула тата вĕсен ячĕсен пулăвĕ синчен калакан халап-сенчи вăрттан йыту. С. 5.
- ¹³⁴ *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма... С. 300—301.
- ¹³⁵ Чăваш халăх пултарулăхĕ. Тавралăх халапĕсем. С. 174—176.
- ¹³⁶ Там же. С. 158, 173.
- ¹³⁷ *Чернышев Е.И.* Татарские деревни второй половины XVI и XVII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1961 г. Рига: Изд-во Акад. наук Латвийской ССР, 1963. С. 174—176; *Его же.* Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань: АН СССР, Ин-т языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова, 1971. С. 282—283; *Ермолаев И.П.* Писцовая книга Ивана Болтина как исторический источник // Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 годов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. С. 23—24.
- ¹³⁸ Чăваш халăх пултарулăхĕ. Тавралăх халапĕсем. С. 169; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 569. Л. 26. Ныне на территории Ибресинского МО ЧР имеются селения Чувашские и Русские Тимяши.
- ¹³⁹ Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда, письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Димитрия Андреевича Кикина (1565—1567 гг.). Казань: Тип. Императ. ун-та, 1909. С. 66, 106—108.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 132—133.
- ¹⁴¹ *Димитриев В.Д.* Чувашские материнские селения... С. 11.
- ¹⁴² Чăваш халăх пултарулăхĕ. Тавралăх халапĕсем. С. 217.
- ¹⁴³ *Димитриев В.Д.* Чувашские материнские селения...
- ¹⁴⁴ Там же. С. 9.

- ¹⁴⁵ Чăваш халăх пултарулăхĕ. Тавралăх халапĕсем. С. 227—238.
- ¹⁴⁶ *Салихов Р.Р., Исхаков Р.Р.* Роль служилых татар Мешеры в отражении набегов кочевников и заселении южного Предволжья Горной стороны // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8. № 4. С. 808—821.
- ¹⁴⁷ *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания... С. 197.
- ¹⁴⁸ Чуваши Присвьяжья: история и культура. С. 22—34.
- ¹⁴⁹ *Воробьев Н.И. и др.* Чуваши. С. 41—42.
- ¹⁵⁰ *Димитриев В.Д.* Чуваши в эпоху феодализма. С. 304—306.
- ¹⁵¹ Там же. С. 304, 307—308; Чăваш халăх пултарулăхĕ. Тавралăх халапĕсем. С. 224—225.
- ¹⁵² *Димитриев В.Д.* Чуваши в эпоху феодализма... С. 302—305.
- ¹⁵³ Там же.
- ¹⁵⁴ *Федотов М.Р.* Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками: в 2 ч. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1968. Ч. 2. С. 181.
- ¹⁵⁵ *Димитриев В.Д.* Чуваши в эпоху феодализма... С. 309.
- ¹⁵⁶ *Сергеев Л.П.* О состоянии и задачах изучения чувашских диалектов. С. 19.
- ¹⁵⁷ *Савельев А.В.* Отражение диалектных особенностей в старописьменных памятниках чувашского языка XVIII века... С. 26.
- ¹⁵⁸ Архив Санкт-Петербургского филиала РАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 163. Л. 210. Записка Н.И. Ашмарина об издании чувашских текстов. 2-е приложение к протоколу Императ. Академии наук 9 ноября 1916 г. С. 210.
- ¹⁵⁹ *Сергеев Л.П.* Диалектная система чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2007. С. 343.
- ¹⁶⁰ *Матвеев Т.М.* Краткий обзор чувашских диалектов (1960). С. 53—54.
- ¹⁶¹ *Канотокова А.С.* Чувашская диалектология. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1965. С. 117.
- ¹⁶² *Цаплина Р.И.* Диалекты чувашского языка // Обучение орфографии чувашского языка в диалектных условиях. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1966. С. 78.
- ¹⁶³ *Сергеев Л.П.* Диалектная система чувашского языка. С. 363—364.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 346.
- ¹⁶⁵ Там же. С. 360—361.
- ¹⁶⁶ Там же. С. 362.
- ¹⁶⁷ Там же. С. 213.
- ¹⁶⁸ *Егоров Н.И.* Избранные труды... С. 400.
- ¹⁶⁹ *Долгова А.П.* Этноязыковая культура чувашей Присвьяжья. С. 96.
- ¹⁷⁰ Записка Н.И. Ашмарина об издании чувашских текстов. С. 210.
- ¹⁷¹ *Сергеев Л.П.* Диалектная система чувашского языка. С. 344.
- ¹⁷² *Чуркин Т.Я.* Из наблюдений над чувашскими говорами: Сундырского района Чувашской АССР // Тюркологические исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Ленингр. отд-ние, 1963. С. 152—176.
- ¹⁷³ *Канотокова А.С.* Чувашская диалектология. С. 56.
- ¹⁷⁴ *Цаплина Р.И.* Диалекты чувашского языка. С. 18.
- ¹⁷⁵ *Сергеев Л.П.* Диалектная система чувашского языка. С. 346—347.
- ¹⁷⁶ *Мудрак О.А.* Некоторые заметки по орфографии и фонетике памятника «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка» // Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. С. I—XIV.
- ¹⁷⁷ *Савельев А.В.* К уточнению сценария чувашско-марийских контактов. С. 100—101.

- ¹⁷⁸ *Пекшеева Э.И.* Марийско-чувашские языковые взаимосвязи (на примере промысловой лексики) // Мари и чуваши: этнокультурный диалог в исторической ретроспективе (с. Красный Яр Звениговского муниципального района Республики Марий Эл, 22 сентября 2023 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Эрцикова; МарНИИЯЛИ, ЧГИГН. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2023. С. 196.
- ¹⁷⁹ *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса: в 2 ч. Казань: Типолит. В.М. Ключникова, 1903. Ч. 1. С. VI—VII.
- ¹⁸⁰ *Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. Ч. 1. С. 45.
- ¹⁸¹ *Комиссаров Г.И.* Письменность на чувашском языке в XVIII веке // Проблемы письменности и культуры: сб. статей. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1992. С. 85—104.
- ¹⁸² Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка. СПб.: Императ. АН, 1769. 68 с.
- ¹⁸³ *Савельев А.В.* Отражение диалектных особенностей в старописьменных памятниках чувашского языка XVIII века... С. 24, 26; *Его же.* «Начертание...» В.П. Вишневого и язык чувашской письменности в первой половине XIX века // Урало-алтайские исследования. 2018. № 3 (30). С. 66; *Его же.* Старочувашский памятник с различением датива и аккузатива // Урало-алтайские исследования. 2021. № 1. С. 77 и др.
- ¹⁸⁴ *Сергеев Л.П.* Диалектная система чувашского языка. С. 188—189.
- ¹⁸⁵ *Канюкова А.С.* Некоторые особенности диалектов чувашей *тури* и *анатри*. С. 91.
- ¹⁸⁶ *Егоров Н.И.* Избранные труды... С. 399.
- ¹⁸⁷ *Сергеев Л.П.* Диалектная система чувашского языка. С. 348.
- ¹⁸⁸ Там же. С. 349—350.
- ¹⁸⁹ *Савельев А.В.* Старочувашский памятник с различением датива и аккузатива. С. 78—79.
- ¹⁹⁰ *Федотов М.Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. С. 95—96.
- ¹⁹¹ *Гаген-Торн Н.И.* Указ. соч. С. 47; *Воробьев Н.И. и др.* Чуваши. С. 77.
- ¹⁹² *Комиссаров Г.И.* Чувашаи Казанского Заволжья. С. 332, 342.
- ¹⁹³ *Захарова-Кульева Н.И.* Эволюция женской рубахи верховых чувашей // Центр и периферия. 2023. Т. 18. № 2. С. 65—74.
- ¹⁹⁴ *Гаген-Торн Н.И.* Указ. соч. С. 30.
- ¹⁹⁵ *Ягафова Е.А.* Чувашаи Урало-Поволжья. С. 56.
- ¹⁹⁶ ПМА. Информанты: Ю.А. Александрова, 1940 г. р. и Г.Н. Шулаева, 1956 г. р., д. Нижний Магазь Чебоксарского МО ЧР.
- ¹⁹⁷ *Ягафова Е.А.* Чувашаи Урало-Поволжья... С. 59.
- ¹⁹⁸ *Ягафова Е.А.* Там же. С. 49.
- ¹⁹⁹ *Гаген-Торн Н.И.* Указ. соч. С. 34.
- ²⁰⁰ *Комиссаров Г.И.* Чувашаи Казанского Заволжья. С. 347.
- ²⁰¹ *Гаген-Торн Н.И.* Указ. соч. С. 204.
- ²⁰² Там же.
- ²⁰³ ПМА. Информант Е.П. Степанова, 1923 г. р., д. Ближние Сормы Канашского МО ЧР.
- ²⁰⁴ *Воробьев Н.И. и др.* Чувашаи. С. 270—273.
- ²⁰⁵ *Ягафова Е.А.* Чувашаи Урало-Поволжья... С. 56.
- ²⁰⁶ Там же. С. 77.
- ²⁰⁷ *Захарова-Кульева Н.И.* Эволюция женской рубахи верховых чувашей. С. 65—74.

- ²⁰⁸ *Михайлов С.М.* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. С. 78—86.
- ²⁰⁹ *Воробьев Н.И. и др.* Чуваши. С. 266; *Гаген-Торн Н.И.* Указ. соч. С. 21.
- ²¹⁰ *Захарова-Кульева Н.И.* Эволюция женской рубахи верховых чувашей. С. 69.
- ²¹¹ *Николаев В.В., Иванов-Орков Г.Н., Иванов В.П.* Чувашский костюм от древности до современности. М.; Чебоксары; Оренбург: Фонд историко-культурологич. исслед. им. К.В. Иванова, 2002. С. 90.
- ²¹² *Гаген-Торн Н.И.* Указ. соч. С. 166.
- ²¹³ *Молотова Т.Л.* Марийский народный костюм. Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1992. С. 46.
- ²¹⁴ *Ягафова Е.А.* Чуваши Урало-Поволжья... С. 64.
- ²¹⁵ *Элле К.В.* Женская одежда по волостям Чувашии // НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 567. Л. 47.
- ²¹⁶ *Ягафова Е.А.* Чуваши Урало-Поволжья... С. 53.
- ²¹⁷ Там же. С. 47.
- ²¹⁸ Там же. С. 54.
- ²¹⁹ *Захарова-Кульева Н.И.* Указ. соч. С. 69—72.
- ²²⁰ Там же. С. 54.
- ²²¹ *Гаген-Торн Н.И.* Указ. соч. С. 204.
- ²²² *Ягафова Е.А.* Чуваши Урало-Поволжья... С. 77.
- ²²³ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1934. Вып. VI. С. 129—130.
- ²²⁴ *Суслова С.В., Мухамедова Р.Г.* Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX — начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: Фэн, 2000. С. 234.
- ²²⁵ *Гаген-Торн Н.И.* Указ. соч. С. 34.
- ²²⁶ Мемориальный музей-квартира М.С. Спиридонова. ЧГХМ. Папка I КП-37. Л. 1.
- ²²⁷ *Золотницкий Н.И.* Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань: Тип. Императ. Казан. ун-та, 1875. С. 223.
- ²²⁸ *Воробьев Н.И.* Отчет о поездке с этнографической целью в Свияжский и Тетюшский кантоны ТССР летом 1927 г. // Вестник научного общества татароведения. Казань: Дом татар. культуры, 1928. № 8. С. 100—112; *Ягафова Е.А.* Чуваши Урало-Поволжья... С. 55.
- ²²⁹ *Ягафова Е.А.* Чуваши Урало-Поволжья... С. 58.
- ²³⁰ *Воробьев Н.И. и др.* Чуваши. С. 312.
- ²³¹ *Ягафова Е.А.* Чуваши Урало-Поволжья... С. 58—60.
- ²³² *Суслова С.В., Мухамедова Р.Г.* Народный костюм татар Поволжья и Урала... С. 92.
- ²³³ ПМА. Информанты: Ф.Е. Адикина, 1939 г. р., З.А. Иванова, 1953 г. р., с. Норваш-Шигали; Софронова А.И., 1961 г. р., пос. Красная Поляна Батыревского МО ЧР.
- ²³⁴ *Ягафова Е.А.* Чуваши Урало-Поволжья... С. 145.
- ²³⁵ Там же. С. 156.
- ²³⁶ *Инфантеев П.* Чувашская свадьба. Рассказ из жизни чуваш. Чуваши. Очерк. СПб.: Изд. П.В. Луковникова, 1912. С. 20—29.
- ²³⁷ *Комиссаров Г.И.* Чуваши Казанского Заволжья. С. 357—363.

- ²³⁸ Полевой материал собирался в селениях Синьялы, Шинерпоси, Нижний Магазь, Байсубаково Чебоксарского МО ЧР, а также в с. Первое Чурашево Мариинско-Посадского и д. Тувси Цивильского МО ЧР.
- ²³⁹ ПМА. Информант Л.Г. Петрова, 1938 г. р., д. Байсубаково Чебоксарского МО ЧР.
- ²⁴⁰ *Комиссаров Г.И.* Чуваши Казанского Заволжья. С. 358.
- ²⁴¹ ПМА. Информанты: Л.Г. Петрова, 1938 г. р., д. Байсубаково; Н.А. Лаврентьева, 1949 г. р., д. Шинерпоси; Ю.А. Александрова, 1940 г. р., д. Нижний Магазь Чебоксарского МО ЧР.
- ²⁴² Чувашская вышивка: свадебные платки и покрывала из собрания Российского этнографического музея: альбом-каталог / автор текста, сост. каталога Н.Ю. Кашпар. Чебоксары: ЧНМ, 2023. С. 25.
- ²⁴³ Там же. С. 360.
- ²⁴⁴ ПМА. Информант Ю.А. Александрова, 1940 г. р., д. Нижний Магазь Чебоксарского МО ЧР.
- ²⁴⁵ *Комиссаров Г.И.* Чуваши Казанского Заволжья. С. 363.
- ²⁴⁶ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1936. Вып. XI. С. 27—28.
- ²⁴⁷ ПМА. Информанты: О.А. Васильева, 1936 г. р., д. Дальние Сормы Канашского МО; Е.П. Степанова, 1923 г. р., д. Ближние Сормы Канашского МО ЧР.
- ²⁴⁸ *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. С. 207—213, 229—230.
- ²⁴⁹ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1936. Вып. X. С. 110.
- ²⁵⁰ *Михайлов С.М.* Собрание сочинений. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С. 50; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 209. Л. 447—458.
- ²⁵¹ *Ягафова Е.А.* Чуваши Урало-Поволжья... С. 152—153.
- ²⁵² *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1930. Вып. V. С. 197; *Михайлов С.М.* Собрание сочинений. С. 57.
- ²⁵³ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1950. Вып. XVII. С. 188; НА ЧГИГН. Отд. VI. Ед. хр. 542. Инв № 3.
- ²⁵⁴ *Белевцова В.О.* Свадьба горных марийцев (середина XIX — начало XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. История. 2012. № 4-1 (76). С. 21.
- ²⁵⁵ *Осипов А.А.* Свадьба верховых чувашей: взаимодействие обряда и музыки: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. Чебоксары, 2019. С. 42.
- ²⁵⁶ Традиционная культура чувашей: тексты (материалы научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук) / подг. к изд. А.К. Салмин. СПб.: Филологич. факультет Санкт-Петербург. гос. ун-та, 2014. С. 320; *Михайлов С.М.* Собрание сочинений. С. 59.
- ²⁵⁷ См., например: НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Л. 120, 374; Ед. хр. 623. Карточки № 9053, 9054.
- ²⁵⁸ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 147. Л. 165.
- ²⁵⁹ Там же. Отд. I. Ед. хр. 268. Л. 81.
- ²⁶⁰ Там же. Отд. III. Ед. хр. 216. Л. 175—217.
- ²⁶¹ *Михайлов С.М.* Собрание сочинений. С. 66, 69.
- ²⁶² *Ягафова Е.А.* Чуваши Урало-Поволжья... С. 148.
- ²⁶³ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 152. Л. 178—182.

²⁶⁴ ПМА. Информант З.В. Павлова, 1948 г. р., д. Шинерпоси Чебоксарского МО ЧР.

²⁶⁵ ПМА. Информант Е.А. Перцева, 1961 г. р., д. Пархикасы Чебоксарского МО ЧР.

²⁶⁶ *Ашмарин В.И., Шкапский Е.С.* Чувашская свадьба // Этнографическое обозрение. 1890. № 2. С. 157—168.

²⁶⁷ Казанские губернские ведомости. 1868. № 86.

²⁶⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 28. Л. 899.

²⁶⁹ Там же. Отд. VI. Ед. хр. 529. Инв. № 56; Ед. хр. 542. Инв. № 34.

²⁷⁰ Там же. Отд. I. Ед. хр. 146. Л. 697.

²⁷¹ Там же. Ед. хр. 287. Л. 359.

²⁷² *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. С. 206.

²⁷³ *Ягафова Е.А.* Чуваши Урало-Поволжья... С. 155—156.

²⁷⁴ Там же. С. 127.

²⁷⁵ ПМА. Информант О.В. Васильева, 1929 г. р., с. Новое Чурашево Ибресинского МО ЧР.

²⁷⁶ ПМА. Информанты: К.М. Васильева, 1925 г. р., М.Л. Павлова, 1931 г. р., А.И. Артемьева, 1932 г. р., С.А. Фролова, 1955 г. р., с. Норваш-Шигали Батыревского МО ЧР. Записи 2015 г.

²⁷⁷ *Ягафова Е.А.* Чуваши Урало-Поволжья... С. 149.

²⁷⁸ ПМА. Информант К.М. Васильева, 1925 г. р., с. Норваш-Шигали Батыревского МО ЧР.

²⁷⁹ *Ягафова Е.А.* Чуваши Урало-Поволжья... С. 148.

²⁸⁰ *Прокопьев К.П.* Брак у чуваш // ИОАИЭ. Казань: Типолит. ун-та, 1903. Т. XIX. Вып. 2. С. 1—63.

²⁸¹ Там же. С. 151.

²⁸² *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. С. 207—213; *Месарош Д.* Памятники старой чувашской веры. С. 327—351.

²⁸³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 267. С. 143—167 (д. Новое Изамбаево Тетюшского уезда).

²⁸⁴ *Ягафова Е.А.* Чуваши Урало-Поволжья... С. 159.

²⁸⁵ Группа чепецких татар, в которой представлен бесермянский субстрат, начала формироваться не позже середины XV в. одновременно с центральной группой субэтноса казанских татар (см.: *Исхаков Д.М.* Указ. соч. С. 36—37).

²⁸⁶ *Михайлов Е.П., Березина Н.С., Мясников Н.С.* Археологические памятники Чувашского Поволжья: некоторые итоги и задачи изучения // Итоговые научные сессии 2015—2018 годов / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2018. С. 224.

²⁸⁷ *Ефименко П.П.* Средневожская экспедиция 1926—1927 гг. I. Работы палеоэтнологического отряда в Чувашской Республике // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. Л.: ГАИМК, 1929. Т. 2. С. 165—166.

²⁸⁸ *Сергеев Л.П.* Диалектная система чувашского языка. С. 20.

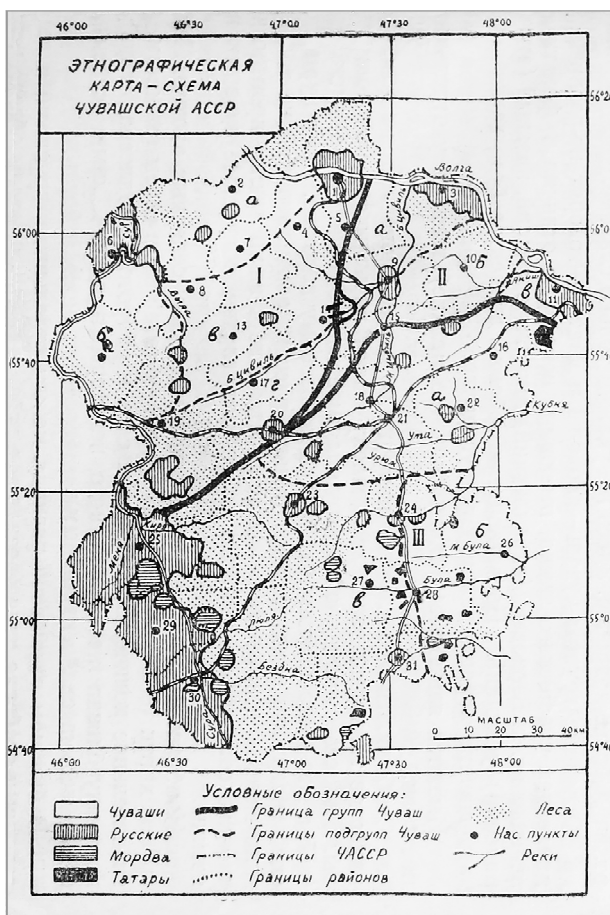
**Этнографическая карта Козьмодемьянского, Цивильского, Чебоксарского
и Ядринского уездов Казанской губернии***

Подгруппы *вырвал*: I район (северо-западная часть Чувашии) — части Козьмодемьянского и Ядринского уездов; II район (к юго-востоку от первого) — части Ядринского, Курмышского, южная часть Козьмодемьянского и западная часть Чебоксарского уездов; III район — Ходаровская волость Курмышского, южная часть Ядринского уездов.

Подгруппы *анат. энчи*: I район — северо-западная часть Чебоксарского, части Ядринского (Чебаевская волость) и Цивильского уездов; II район — северо-восточная часть Чебоксарского, части Ядринского (Тойсинская) и Цивильского уездов.

Группа северных *анатри*: юго-восточная часть Чебоксарского, южная часть Цивильского уездов.

* Комиссаров Г.И. (Вантер). Собрание сочинений. Кн. 2. С. 134—135.

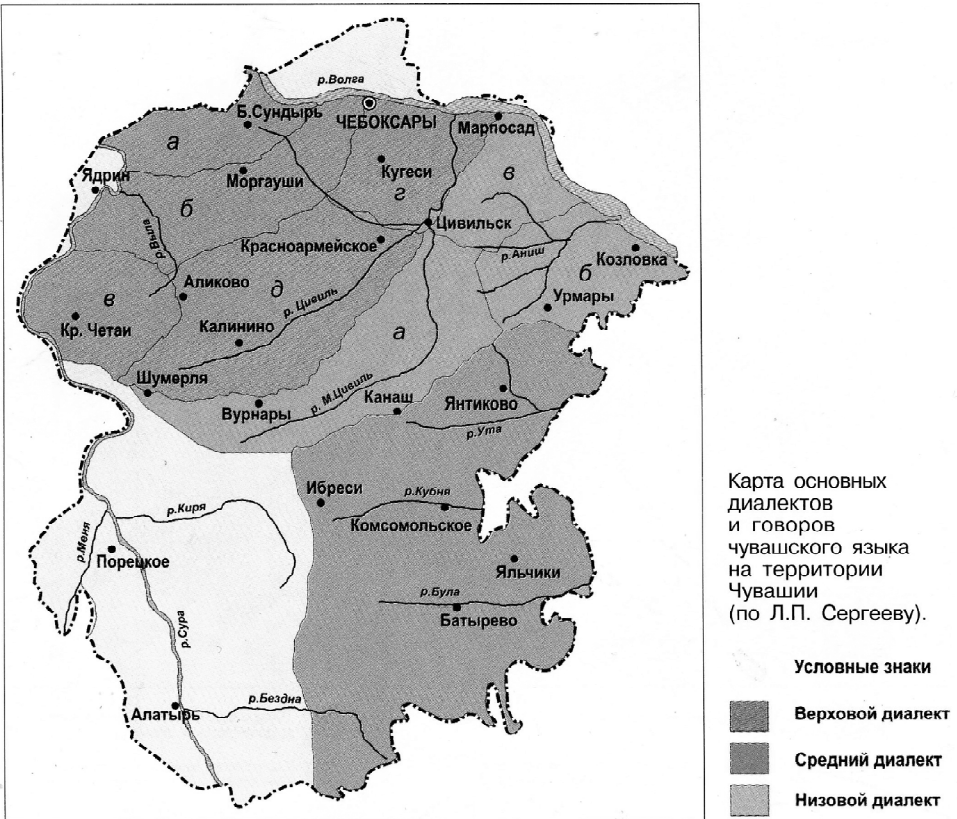
Этнографическая картосхема Чувашской АССР (по Н.И. Воробьеву)*

I. Район расселения группы верховых чувашей (*вирьял*): а) северо-западная подгруппа (сундырская); б) краснотайская подгруппа; в) средняя подгруппа; г) юго-восточная подгруппа.

II. Район расселения средненизовой группы чувашей (*анат енчи*): а) северо-западная подгруппа; б) юго-восточная подгруппа; в) козловская подгруппа (*мал енчи*).

III. Район расселения группы низовых чувашей (*анатри*): а) северная подгруппа; б) юго-восточная подгруппа (степная *хирти*); в) юго-западная подгруппа (подлесная).

* Воробьев Н.И. и др. Чуваш. С. 75.

Диалекты и говоры чувашского языка*

Верховой диалект: а) сундырский говор; б) моргаушско-ядринский говор (подговоры — ядринский, моргаушский, ишлейский); в) красночетайский говор (между реками Сурой и Вылой); г) чебоксарский говор; д) калининско-аликовский говор.

Средний диалект: а) малоцивильский говор; б) урмарский говор; в) цивильско-маринско-посадский говор.

Низовой диалект: на говоры не подразделяется.

* Чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. Т. 1. С. 512.

Подгруппы этнографических групп чувашей*

Подгруппы верховых чувашей (I):

1 — северо-западная; 2 — средняя; 3 — юго-восточная (переходная); 4 — краснотайская.

Подгруппы средненизовых чувашей (II):

1 — северо-западная; 2 — центральная; 3 — козловская.

Подгруппы низовых чувашей (III):

1 — северная (переходная); 2 — подлесная; 3 — степная.

* Составлено нами.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
1. Этнографические группы чувашей: проблема дифференциации	4
1.1. Основные принципы районирования этнографических групп и подгрупп в призме историографии темы	—
1.2. Картографирование подгрупп	9
2. Формирование территории расселения подгрупп	14
2.1. Средненизовая зона	15
2.2. Верховая зона	17
2.3. Низовая зона	20
3. Формирование особенностей говоров и компонентов традиционной культуры подгрупп	23
3.1. Подгруппы и говоры	24
3.2. Особенности формирования комплексов чувашского костюма	31
3.3. Общее и особенное в типологии свадебных обрядов	38
Заключение	49
Литература, источники и примечания	51
Приложения	63

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научные доклады
Выпуск 39

МАТВЕЕВ Георгий Борисович

**Подгруппы в составе
этнографических групп чувашей:
формирование и картографирование**

Доклад на научной сессии
Чувашского государственного института
гуманитарных наук по итогам работы
за 2024 год

Редактор *Е.П. Семенова*
Корректор *Н.Г. Герасимова*
Верстка *Н.И. Никифоровой*

Подписано к печати 23.12.2024. Формат 60x84¹/₁₆.
Печать оперативная. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 3,95. Уч.-изд. л. 4,36.
Заказ № 12. Тираж 50 экз.

Отпечатано в РИО БНУ ЧР
«Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования Чувашской Республики
428015, г. Чебоксары, Московский пр., д. 29, корп. 1